

Надежда КАЛАШНИКОВА
Обманом обручённая

Повесть

Часть I

Новокузнецк
«Ник без Сопрані»
2019

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Надежда КАЛАШНИКОВА
Обманом обручённая

Повесть

Часть I

Новокузнецк
«Ник без Company»
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К 17

КАЛАШНИКОВА Н.Н.

К 17 **Обманом обручённая...** : повесть : часть I / Надежда Калашникова ; Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Ник без Company, 2019. – 88 с.
16+

Едва отгремела война асов с ванами, как вновь зашатался хрупкий мир. Не стерпеть племяннице царя Ванахеймского обиды, Локи-Обманщиком нанесённой. Не останутся в долгу ни отец, ни дядюшка царственный. Да только по царскому обычаю не на золото играют – на головы. Не того бога, видать, коварным прозвали...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Надежда КАЛАШНИКОВА

Фото Константина Егорова

Калашникова Надежда Николаевна родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии в 2014 году. Работает на кафедре психологии ЦПО НФ КемГУ.

В КЛФ «Контакт» пришла в 2010 году. Первая публикация – сказочка «Как заяц зиму победил» – в газете «Губернские ведомости» за 19 мая 2001 г. С 2009 по 2016 год клубом «Контакт», а позднее издательством «Ник без Comrani» выпущено около десятка книг прозы Надежды Калашниковой, в 2017 – книжечка стихов «За кулисами улыбки», в 2018 – большая книга сказок (по большей части для взрослых) «Шутов не нанимают...» Лауреат Губернаторской премии в области культуры и искусства за 2014 год (единственная в этом году за литературу). В 2019 году стала лауреатом премии журнала «Огни Кузбасса» по прозе за 2018 год (первая публикация сказки «Сказка в сумерках»).

Пролог

Буйным цветом, густой тенистой зеленью богат дворцовый сад Ванахейма в середине лета. Хоть и ухаживают за ним исправно, хозяева не считают нужным подстригать ровно кусты да цветы по линиям высаживать. Растут те где придётся, но в дикости их, в аромате сладком обволакивающим и таится главное очарование.

Двое детей, двое царевичей из чужого мира бегают по саду, оторвавшись от присмотра. В таком обилии зелени это куда проще, чем в родном Асгарде. Там над садом трудится не один десяток искуснейших садовников, и поражает он воображение гармонией и простотой.

Крики, смех, шутки и передразнивания – всё как обычно у братьев.

– Не догонишь!.. – подначивает старший, Тор, отвешивая брату несильный – по его меркам – подзатыльник. И срывается в бега.

Локи мчится за ним, надеясь догнать, хотя удаётся это редко.

И неожиданно едва не врезается в спину резко остановившегося брата.

Вернув Тору подзатыльник и добавив пинок, Локи выглядывает из-за спины старшего.

И поспешно отступает назад, скрываясь за более широким братом.

– Я тоже хочу с вами играть!..

Девочка. Не старше их. Белое платье успело обзавестись пятном на коленке – и разорванным подолом.

– Вот ещё! – презрительно фыркает Тор. – Девчонок не берём!

Он делает было шаг в сторону, надеясь обойти неожиданную преграду. Но та с недюжинным проворством вновь загораживает ему проход, молитвенно сложив ручки у подбородка:

– Пожалуйста!.. Мне совсем не с кем играть. Брат уже почти совсем взрослый, – тяжёлый, явно скопированный у старших вздох. – А близнецы говорят, что им третий не нужен, и меня не принимают. – Личико становится совсем печальным, и Тор, намеревавшийся было сурово прошествовать мимо, хмурится.

Он совершенно не хочет брать в нагрузку к слабосильному брату ещё и девчонку. Но... царевичам ведь тоже не разрешали общаться с другими детьми во дворце. И хотя Локи – тот ещё выдумщик и проказник, порой братья уставали друг от друга.

– Хорошо, – неохотно соглашается Тор. – Но если ты начнёшь ныть – тут же выбываешь из игры! – сразу добавляет он.

– Не буду, – серьёзно заверяет девочка. – Я не плакала, даже когда опрокинула себе на ногу мамину любимую вазу. А она была тяжёлая... Меня зовут Сигюн, кстати. – Она протягивает ладошку Тору.

Тот не соображает, что её стоит пожать. Мало кто ведёт себя с наследником Асгарда как с равным. Не дождавшись ответа, Сигюн опускает руку.

– Я Тор, сын Одина, царевич Асгарда. Старший. – Тор приосанивается, как всегда, когда его представляют или он сам представляется кому-то.

– А это мой брат... – продолжает было он, наконец вспомнив о младшем. Локи перебивает, выйдя наконец из ступора:

– Я Локи, я тоже сын Одина! И тоже асгардский царевич!..

– А моего папу зовут Бальдр, – поддерживает беседу о родителях Сигюн. Царские титулы не производят на неё особого впечатления. Вон, близнецы тоже при титулах, а задаваки ещё те...

Взглянув на Тора, девочка с некоторым сомнением протягивает руку Локи.

Тот, не медля, протягивает в ответ свою. А потом, поддавшись внезапному порыву, поворачивает её ладонь и, сам не зная, что на него нашло, неумело прижимается губами к маленькой ручке.

– Пфф, манеры, – нетерпеливо переступает с ноги на ногу Тор, будто застоявшийся жеребец. – Побежали лучше к тому водопаду! Кто первый, тот выиграл!

И срывается с места, как ветер.

Локи и Сигюн, смущённо разъединив руки, мгновение смотрят в разные стороны. А потом как по команде одновременно срываются с места и мчатся за наследником Асгарда. Алая его рубашка уже мелькает далеко впереди.

– Что, пыхтите, малявки? – ехидничает Тор, бодро взбираясь на скалу, откуда низвергается водопад.

– И ничего мы не пыхтим, – задыхаясь, выговаривает Локи.

Тор хмыкает. Но упорство брата вызывает у него уважение, хоть он и не показывает виду.

Локи украдкой смотрит на упрямо лезущую за мальчишками Сигюн. Пятен на белом платье прибавилось, причёска растрепалась от бега. Вот такой – растрёпанной, со взмокшим лбом, но не сдающейся – она нравится Локи ещё больше.

Он отводит взгляд, стесняясь и не понимая сам себя.

Наконец они забираются на вершину. И молча любуются на открывшуюся картину. Сигюн уже была здесь, Тор не желает проявлять

чувства открыто, а Локи стремится подражать Тору, хоть и всячески отрицает это на словах.

Блестящая струя низвергается вниз, оmyвая выступающие из воды тут и там камни. По краям водопада вьётся зелень. Сверкающие капли не успевают высохнуть на ней, сменяясь новыми.

А среди зелени проглядывают головки цветов.

– Как красиво, – всё-таки выдыхает Сигюн.

Тор молчит: он стоит ближе всех к обрыву, и рубашка его уже промокла от холодных брызг. Но отодвигаться от края он не торопится.

Локи же не знает, что ему больше нравится: красота водопада – или восхищение во взгляде и голосе Сигюн.

– Ой, смотрите, – указывает она рукой вниз. – Все лилии белые, а эта красная! Прямо огнём горит!.. Как бы я хотела её сорвать... – она с сожалением замолкает, понимая, что спуститься на середину бурлящего водопада вряд ли получится. С другой же стороны к цветам не подобраться.

Локи же, не успев ни подумать толком, ни взвесить последствия, к своему удивлению произносит:

– Я достану её для тебя.

И ступает на торчащий из воды скользкий камень.

Никто не успевает ни сказать что-то, ни остановить его.

Балансируя на скользких камнях, ёжась от обдающей ноги ледяной воды, он медленно спускается всё ниже и ниже, стараясь не думать о том, что творит.

А ведь ещё надо вернуться...

– Локи! Вернись, дурак!..

Обычно почётная роль «дурака» в выяснении отношений братьев достаётся Тору, но в этот раз Локи согласен с такой характеристикой в свой адрес.

Некогда думать! Не сошёл ли он с ума, он решит позже. А сейчас – только тело. Удержаться на ногах при сильно плеснувшей волне. Встать на более устойчивый камень. Перепрыгнуть на слишком далёкий валун – а сверху казалось, камни стоят так близко друг к другу...

Зато красная лилия всё ближе, ближе...

Детская рука ложится на стебелёк. И в это же мгновение нога соскальзывает с мокрого камня. Неловко взмахнув руками, Локи не успевает восстановить равновесие и с криком падает в водопад.

Ледяная волна оглушает, вертит маленькое тело. Локи отчаянно барахтается, но с водопадом, пусть и не слишком большим, шутки плохи.

– Локи!.. – слаженный вопль двух глоток.

Тор всегда был громогласен. Но тонкий, срывающийся девчоночий голос перекрывает его, ударяя, кажется, в самое сердце.

Локи чувствует, что его начинает затягивать, и пугается настоящего. Инстинктивно машет руками над водой – и не сразу понимает, что уже второй раз с размаху ударился о что-то твёрдое.

Лёд схватывает воду, да так быстро и прочно, что взметнувшиеся было потоки застывают на весу.

Ничего не понимая, Локи выбирается на твёрдую поверхность. Поднимается на ноги. Смотрит на схваченные льдом застывшие гребни водопада, грозившие утащить его на дно и расплющить о камни.

– Ах!..

– Эм... Локи... ты...

Только взглянув на зажатую в кулаке лилию, Локи обращает внимание на собственную руку.

Потом на вторую.

Он, конечно, замёрз в ледяной воде, но ведь не настолько, чтобы стать *синим*?..

– Надо ему всё рассказать.

– Мы же планировали подождать до отрочества, Фригг.

Сжимаются в тревоге тонкие пальцы:

– Планировали. Но ты же видишь, как всё обернулось!.. Не хотела я ехать сюда, да ещё с детьми... Как чувствовала! Остались бы в Асгарде, ничего бы не было...

– Ты не сможешь оберегать его всю жизнь, – раздражённые нотки проскальзывают было в тоне царя Асгарда, но Один берёт себя в руки.

– Мимир прекрасно справляется с обязанностями наместника, а нам необходима была эта поездка и именно всей семьёй! Ванахейм косо смотрит на наше величие. Нужно убедить его в нашей благонамеренности.

– Но они дети, мой царь, а не рычаги политического влияния.

Короткая улыбка:

– Они царевичи, дорогая. Каждому из них уготовано по трону, а это не похоже на увеселительную прогулку... И понесло же Локи в этот водопад!.. – вновь раздражённо выдыхает Один себе в бороду.

– Если бы не природа йотуна, он бы мог утонуть, – тихо отвечает царица.

Локи лежит в постели, натянув одеяло по самый нос. Он бы и с головой им укрылся, но под толстым одеялом дышать неудобно. Фригг потребовала после ледяного купания выпить горячий чай и укутаться в самое тёплое одеяло, какое нашлось во дворце.

В голове у царевича всё смешалось. Оказывается, мама с папой – вовсе не мама с папой. И он – не ас. Точнее, ас только наполовину...

Локи не всё понял из объяснений Одина – только то, что он не родной в семье. Что Фригг, и Один, и несносный, но любимый брат –

на самом деле чужие. А его родной отец – царь ледяного Йотунхейма, и он, Локи, наследник этого страшного далёкого царства.

Скрипит дверь. Локи по-прежнему безучастно смотрит в расписной потолок дворца, машинально отмечая, что дома роспись другая. Более утончённая. Более благородная.

Тор меж тем неуверенно подходит к постели брата.

Брата ли?..

– Чего пришёл? – ровным голосом спрашивает Локи, не вылезая из-под одеяла.

Тор переступает с ноги на ногу, хмурится сильнее. Но напряжённая умственная работа не для него.

– Ты йотун! Ты как те чудовища, с которыми бился папа! *Мой* папа!..

Губы Локи дрожат. Глазам становится горячо. Он пытается сдержать слёзы, но смаргивает, и слезинка против воли скатывается вниз, холодя и одновременно обжигая кожу.

Он поспешно отворачивается. Мало того, что он ледяной монстр, так ещё и ревёт, как девчонка! Теперь брат точно откажется от него...

Брат ли?..

– Один и *мой* папа тоже, – упрямым, злым голосом произносит Локи. Он готов защищать свою потерянную, как ему кажется, семью. Свою принадлежность к ней. – И Фригг *моя* мама, – тише добавляет он и, не выдержав, громко шмыгает носом.

И, уткнувшись в подушку, беззвучно плачет.

Тор смотрит, как под одеялом сотрясаются плечи Локи от рыданий. Как взъерошились на затылке чёрные волосы. И Один, и Фригг, и он сам светловолосы. Как это он раньше не замечал, сколь непохож на остальную семью младший?..

Но это же Локи. Младший, нескладный, явно уступающий в развитии и силе. Тор шокирован открывшейся новостью, но разве может Локи – пакостник, проказник и безмерно восхищающийся им *брат* быть ужасным синим великаном?..

– Эй... – окликает Тор. Не получая ответа, повторяет громче: – Эй!..

– Что тебе надо от йотуна? – Локи разворачивается так быстро и так резко, что Тор непроизвольно отшатывается. – Ты же всегда их ненавидел, мечтал разделаться с ними, как только вырастешь!.. Меня тоже убьёшь? А может, прямо сейчас и сделаешь это?!..

Лицо младшего перекошено: от слёз, от злости, от невыплаканной до конца боли. Локи некрасив сейчас, и, хотя лицо его привычно бледно, Тору на мгновение кажется, что брат выглядит ужаснее, чем во втором своём облике.

Но сердце Тора, детское ещё сердце не настолько заострено, не прониклось в нужной мере враждой к ледяным гигантам, что усиленно

вкладывал в головы царевичей наставник по истории девяти миров. Недоглядел Один вещим глазом, что приставлен оказался к его детям приверженец старых порядков, лично бившийся когда-то в Йотунхейме. Сам Всеотец поддерживал более спокойное отношение к йотунам, в своё время планируя возвести на трон Ледяного царства приёмного сына.

Прямодушный же Тор частенько старался сбежать со скучных уроков. И, как ни странно, это обернулось на пользу обоим царевичам.

А может, и не им одним.

– Я вообще-то хотел сказать... что ты мой брат, – заявляет наконец Тор, не имея силы видеть неведомого врага в родиче.

Локи, вновь было уткнувшийся в подушку, медленно поворачивается. На лицо падает влажная от пота и слёз чёрная прядка. Он не торопится её убирать, смотря на Тора сквозь завесу волос.

– Ты мой брат, Локи, – уверенно повторяет старший. – Даже если синий. Может, если ты по-прежнему будешь жить у нас, тебя можно будет вылечить от синевы?..

На столике рядом с кроватью стоит злополучная красная лилия. Локи берёт её, вертит в руках. Цветок чуть помят, но свеж и благоухающ, будто только что сорванный.

Воровато оглянувшись, Локи укрывает цветок стянутым со стула плащом. И, также оглядываясь, выходит из покоев.

И буквально за следующим поворотом сталкивается с Сигюн.

– Что ты тут делаешь?

– Как ты?

Оба вопроса звучат практически одновременно. Локи отводит взгляд. Сигюн, тоже отвернувшись, прыскает.

Чуть помедлив, говорит:

– Я шла тебя проведать. Как ты после водопада?

Локи небрежно машет рукой:

– Да что мне какой-то водопад!.. Я дома в Асгарде и не в таких купался.

Сигюн смотрит на него с удивлением и восторгом. И царевичу кажется – он готов проиграть Тору любой спор, да что там – готов отправиться в ледяной Йотунхейм, будь он неладен, лишь бы она продолжала вот так на него смотреть.

– Ты больше не синий? А ты ещё что-нибудь заморозить сможешь?.. – с любопытством спрашивает девочка. Сигюн ещё не рассказывали в подробностях об устройстве девяти миров и их жителях, лишь в общих чертах о ветвях Иггдрасиля. Потому она не связала изменившийся облик Локи с ледяными великанами.

Не желая делиться тем печальным, что сам недавно узнал, Локи достаёт злополучную лилию и протягивает девочке.

– Это тебе. Мы скоро уедем домой. Вот. На память. – Он переступает с ноги на ногу.

Сигюн поднимает счастливое лицо.

– Ты всё-таки её достал. Спасибо. Мне никто ещё не дарил цветов.

Не выдержав, младший царевич Асгарда краснеет. И, стремясь перебить охватившее непонятное смущение, торопливо говорит:

– Я её немного заколдовал, она должна простоять долго. Дольше, чем обычные цветы. Я маме дарил прошлым летом, у неё в покоях до сих пор стоит, не вянет. Может, и твой простоит... сколько-нибудь.

Сигюн задумчиво вертит в руках лилию. Смотрит на Локи. Вздыхает:

– Значит, вы уже уезжаете?

– Да, – печально отзывается тот. – Мама сказала, что через два дня.

Личико Сигюн оживает:

– Ну хотя бы два дня ещё есть. С вами так весело было играть!..

Локи мрачнеет. «С вами весело...» Может, ей понравился Тор? Который постоянно всем нравится. Наследный царевич трона девяти миров. Он-то не йотун, не приёмш в родной семье... Ещё и бегаёт быстрее, и дерётся лучше, и...

– Может, пойдём прямо сейчас и поиграем? – предлагает Сигюн, не замечая, какие горести терзают её собеседника. – Знаешь, – осторожно добавляет она, – можно даже не ждать твоего брата. Я его боюсь. А тебя – нет, – добавляет она уже с улыбкой.

Мрачность Локи тает быстрее, чем набежавшее облачко в ветреный день. Он задорно улыбается в ответ.

– Мы ещё увидимся, Сигюн, – с невесть откуда взявшейся уверенностью произносит он. – Вот увидишь.

Девочка смеётся, протягивая ему руку.

В другой её ладошке крепко зажата красная лилия.

Глава 1. О тревогах и коварстве

Ваши глаза так сверкают желанием мести.

Против и за вашей чести – моё бесчестье.

Как же давно размотали боги эту нить...

Канцлер Ги «Вы ненавидите меня...»

По дороге, прямой и ровной, что ведёт к Золотому Чертогу, катится нарядная колесница. Маленький отряд из десятка воинов, вооружённых при полном параде, сопровождает её.

Встречные асы отступают в сторону. Кто-то плюётся, кто-то ругается.

Мимо незашторенного окна проносится булыжник.

– Сигюн, пересядь в середину, – резко говорит Бальдр.

Та со вздохом подчиняется. Ван, не удовольствуясь этим, опускает шторы, плотнее запахивая их.

Внутри становится темно, будто наступили поздние сумерки.

– Даже не посмотреть, где жить будем, – тихонько говорит Сигюн.

– Налюбуешься ещё, – обрывает Нанна. Нервным жестом отбрасывает назад тяжёлую тёмную копну волос. – Так, что глаза от золота заболят, немилым станет!..

Сигюн вновь неслышно вздыхает. Будто она рвалась сюда...

...Катится дальше колесница с ванахейским гербом. Расступаются недобро встречные асы.

Лишь один ас, завидев колесницу, не стал ни кричать, ни бросаться камнями вслед. Тихо отступил в придорожные кусты, сливаясь с ними зелёным своим костюмом.

В следующее мгновение из кустов выпархивает сокол и летит следом за маленькой процессией.

...Локи, обернувшись асом, прячет соколиное оперенье за пазуху. Кто бы знал, что маленькая шалость, кража приглянувшейся накидки из вражеского стана окажется столь полезной!.. Фрейя, по слухам, рвала и метала, да поздно. Хеймдалль поморщился, конечно, но против собственного царевича ради неё не пошёл.

О заложниках во дворце не твердил только ленивый. Но, пожалуй, никто так не ждал их приезда, как младший царевич Асгарда.

Была у этого ожидания причина. Бальдр Прекраснейший, бог света и весны, младший брат Ньёрда, царя Ванахеймского.

...Члены царских фамилий, они познакомились ещё до войны – и невзлюбили друг друга с первого взгляда. Никто не понимал, что делить двум богам, находящимся практически в одинаковом положении. Оба красивые, умны, талантливы – о чём спор?..

Спора и не было.

Была взаимная обоюдная вражда. Два бога не упускали случая досадить другому при малейшей возможности. Когда же оба мира охватило пламя войны, противостояние вышло на другой уровень...

Локи свалился в волчью яму. Предупреждал Тор, чтоб не шарахался в одиночку по вражеской территории!.. Нет, на лес посмотреть захотелось.

– Ой, да не беспокойся ты за мага, – только и отмахнулся Локи.

Лёжа на дне глубокой ямы, зажимая ладонями распоротый бок, бог обмана костерил всех от корней Иггдрасиля до его же кроны включительно. Магию он растратил до этого в очередной схватке с ванами, и возвращалась она ме-е-едленно.

А темнело вокруг быстро.

Заслышав голоса наверху, Локи напрягся. Когда над ямой свесилась чья-то кудрявая голова и призывно заорала на ванахеймском, пообещал себе слушаться старшего брата хотя бы иногда. В военных вопросах Тор явно разбирался лучше.

Когда же незадачливого бога извлекли наверх и над ним наклонилось, если верить дуракам-скальдам, «прекраснейшее лицо в девяти мирах», Локи на мгновение пожалел, что колья пропорол бок, а не грудь.

Но тут же, собравшись с силами, пустил в ход всё своё очарование. Однако на Бальдра оно не подействовало.

– В волчьей яме нашли волчонка, – бросил он своим воинам. – Наденьте на него намордник и отведите к царю Ньёрду. За эту шкуру Один освободит не один десяток наших пленников.

– И подлатайте его, – брезгливо добавил он, глядя на окровавленные ключья одежды Локи. – Волчонок нужен живым.

И улыбнулся оскалившемуся пленнику светлой безмятежной улыбкой.

Перед дворцом собралась большая толпа асов. Царь Асгарда в парадном облачении стоит на ступенях дворца, опираясь на золотой Гунгнир.

Пурпурный плащ стелется за Одином. Сигюн чудится, будто кровавая река стекает за его спиной.

– ...Не будем сейчас касаться событий, послуживших началу столь затянувшейся войны между асами и ванами. С куда большим удовольствием я, Один Всеотец, объявляю об окончании войны!

Аплодисменты. Крики – восторженные; кое-где и разочарованные. Остались неотмщёнными отцы и братья, мужья не вернулись с кровавых полей домой, и не в радость иным вдовам и матерям ясное солнце над Асгардом.

– В знак мирных намерений, – продолжает Один, – Асгард и Ванахейм обменялись заложниками. От Асгарда отправились многоуважаемые советники, Мимир и Хёнир. Придётся теперь вашему царю справляться со всем своей головой, – Один коротко улыбается, стараясь шуткой разрядить сгустившееся напряжение. – От Ванахейма же к нам перешли достопочтенные родственники царя Ньёрда: его брат, Бальдр Прекраснейший, бог света; жена его Нанна и дочь их, Сигюн, богиня верности.

По царскому кивку заложники выходят на ступени, где стоит Всеотец. Будто на плаху поднимаются.

Сигюн внутренне готовилась, ожидая свистов, улюлюканий, подобных тем, что сопровождали их карету в путешествии к Золотому Чертогу. Но тишина, что повисает над толпой асов после их появления, страшнее оскорблений.

И к ней богиня верности оказывается неготовой.

Дева усилием воли сдерживается, чтобы не закричать, не вцепиться в родителей, прося, умоляя увести её отсюда. Больше всего на свете ей хочется заплакать и убежать – прочь, прочь!..

Но она сдерживается из последних сил. Нельзя опозорить родителей. Нельзя опозорить Ванакхейм. Это по *ней* судят сейчас о её родине. О её народе. Так пусть видят, что горды и несломлены ваны, хоть и согласились на перемирие.

Незаметно Сигюн выпрямляется. Вскидывает подбородок. Никто не увидит, как страшно дочери младшего царевича Ванакхеймского.

Вечером, едва оставшись в одиночестве, она даст волю рыданиям. Но это – позже. Когда не будет нескольких сотен пар глаз, устремлённых на неё. Изучающих. Враждебных. Оценивающих, будто товар на базаре.

– Заложникам будут сохранены все полагающиеся титулы и почести, – звучный голос царя Асгарда разбивает давящую тишину. – Статус их неприкосновенен, любая попытка оскорбления словом или делом будет караться по всей строгости! Нам не нужны проблемы с Ванакхеймом.

...Локи, стоящий слева, рядом с братом, незаметно оставляет на своём месте иллюзию. Сам же, набросив личину простого аса, отступает немного вглубь толпы, так, чтобы лучше было видно заложников.

Бальдр стоит впереди, будто загораживая собой жену и дочь.

Бог обмана рассматривает своего врага. Замечает, как тот нервно переступает с ноги на ногу, стремясь загородить собой дочь. Локи невольно переводит взгляд на неё.

Красота Бальдра, несомненно, передалась дочери. Но в ней она смягчилась, став не такой откровенной.

Склонив голову, Локи беззастенчиво рассматривает деву. Видно, что той нелегко, но не опускает Сигюн ни головы, ни очей. Прямо смотрит на столпившихся вчерашних врагов. Гордая. Сильная. Прекрасная, как раскрывшийся под солнцем цветок...

А распутившиеся цветы срывают.

И идея мести рождается сама собой. Если бог света так трясётся над своей дочурой, не будет ли он разочарован, если та спутается с неким богом обмана?.. Да что там – он должен быть просто в бешенстве, куда там берсеркам!..

Локи под иллюзией широко улыбается. Ему и впрямь пришла в голову прекраснейшая идея.

«Что же, Бальдр. Пришёл твой черёд платить. Только не взыщи – счёт я переадресую твоей прелестной дочери...»

Нанна не находит себе места. Взгляд её мечется по дорожному чужому убранству. Отныне это – их дом...

Их тюрьма.

Мир перевернут, смещён с ног на темечко. Ещё вчера они были второй по значимости в Ванакхейме семьёй. Сегодня – заложники доброй воли своего царя.

И то, что царь – её деверь, нисколько не успокаивает Нанну.

Наоборот – тревожит ещё сильнее.

– Бальдр, муж мой, – спрашивает она, не сумев унять дрожь в голосе. – Как нам теперь жить?..

Тот пожимает плечами. Бодро – слишком бодро – разводит руки в стороны:

– Прекрасно! Война окончена благодаря мудрости и прозорливости правителей двух миров, нам лишь остаётся принять смиренно их волю...

Нанна морщится:

– Оставь политес для брата. И для асгардского двора.

Плечи Бальдра опускаются. Падает на прекрасное чело золотая прядь.

– Ты же слышала слова Одина: заложники неприкосновенны.

– Царя Одина, – поправляет, будто выплёвывает, Нанна. – Мы ведь теперь *его подданные*...

Бальдр молчит. И молчание это не успокаивает жену, как обычно.

– Что ты молчишь, муж мой? Всё отшучиваешься да отнекиваешься с самого момента, как огласили приговор судьбе нашей. Или тебе безразлично, в какую беду попала твоя семья? Сам-то веришь ли ты Ньёрду настолько, чтобы вручить ему свою судьбу? Судьбу своей семьи, будь хоть трижды он твой брат?!.. – восклицает в сердцах ванийка.

– Успокойся, Нанна. Если будем сидеть и причитать, участь наша легче не станет, – отвечает наконец бог света.

Привлекает жену к себе. Та покорно шагает в объятия, но сама не обнимает в ответ. Руки висят вдоль тела, будто надломленные ветки у дерева.

Бальдр легко касается губами виска жены: не соблазнить – успокоить.

– Сигюн.

Имя дочери Нанна произносит так тихо, что муж слышит её лишь со второго раза.

– Каково здесь будет ей? Ты подумал?

Бальдр начинает потихоньку закипать. Сменить положение царского брата на заложника враждебного мира – то ещё развлечение. А жена вновь и вновь твердит о том, что он не защитил семью, не отстоял!.. Как будто у Ньёрда много родственников!

Как будто Один согласился бы на кандидатуру меньшего ранга. Сам-то, стервец одноглазый, отправил советника. Не сына.

Даже не *приёмного* сына, будь он неладен.

– Сигюн полезно посмотреть на другой мир, – немного раздражённо отвечает бог света, размыкая объятия. – Форсети то и дело навещает эльфов, а она не была за пределами Ванакейма.

Нанна с упрёком взмахивает руками:

– Форсети – мужчина!.. И у него давно своя жизнь. А Сигюн... Мы слишком долго считали её ребёнком, но она уже взрослая! Это-то меня и тревожит...

– Дети вырастают, – философски замечает ван. И меняет тему: – Как думаешь, дорогая, сундук лучше поставить у изголовья или к стене напротив?..

Любимый балкон царской четы Асгарда – почти под самой крышей Золотого Чертога. Оттуда открывается великолепный вид.

На балконе – столик с прохладительным и фруктами да простые плетёные кресла. Заплачено за них, правда, золотом, в три раза превышающим вес лёгкой мебели – руками светлых эльфов-искусников изготовлены, редкая древесина пошла на них.

Плед, заботливо перекинутый через спинку кресла царицы, мягко сползает на пол. Вечер стоит на диво тёплый.

– Как же давно мы не сидели здесь, мой дорогой Один, – умиротворённо произносит Фригг. Ладонь её накрыта старческой, но по-прежнему сильной рукой мужа. – Эта война отняла у нас столько сил... Как же я рада, что она наконец закончилась!

Один неторопливо поглаживает запястье жены, сминает аристократичные пальцы. Взгляд единственного глаза расслабленно устремлён вдаль, где в золотую дымку на горизонте плавно оседает солнечный диск.

– Начали войну зависть ванов и высокомерие асов. В одночасье от этих чувств не избавиться, – задумчиво говорит Всеотец. – Воины сложили оружие, но не смирили собственные сердца.

Фригг откидывается в кресле. Только осанка её столь же ровна, как и на торжественном приёме.

– Считаешь, перемирие было неискренним?..

Один не торопится с ответом.

– Царь Ванакейма всегда был себе на уме, – наконец молвит он. – Я бы не полагался лишь на заложников. Думается мне, тут нужно и другое средство, что послужило бы надёжной скрепой наших царств... Впрочем, о судьбе девяти миров я думаю денно и нощно, а моя очаровательная жена совершенно справедливо упрекает меня, что я совсем не уделяю ей времени, – с нестарческим проворством разворачивается Один к царице.

Подносит к губам её ладонь. Выцеловывает каждый пальчик, щекоча бородой и усами.

Поднимает на неё взгляд – и сталкивается с полным обожания и нежности взглядом Фригг.

Редко царская чета позволяет себе эмоции. Даже наедине друг с другом. Приросли к коже, да что там – к душам, властные маски за столько лет.

Но порой спадают привычные личины, обнажая живые, немного усталые души. И все девять миров перестают существовать тогда для их царя и царицы.

Скрип двери в дворцовую конюшню. Конюх Барди оборачивается, недовольно бурча под нос:

– Кого несут демоны Муспелля?..

– Пропусти меня к лошади, – нежный голос странно звучит в этих стенах.

Барди рассматривает неизвестную девицу. Тепло, но та закутана в плащ.

– А вы, госпожа, собственно, чьих будете? – неласково вопрошает он, оторвавшись от своего занятия. – Тут, понимаете ли, лошади непростые, всё господ царских особ да их приближённых, а вас что-то не припомню...

Девица вспыхивает:

– Я гостья в Золотом Чертоге царя Одина. Дай мне пройти.

Конюх, однако, не торопится отступить в сторону.

– Откуда же мне знать, гостья вы или просто прохожая какая, – рассуждает он, вновь берясь за гребень. – Лошадки тут знатные, догляд за ними нужен да уход, а ежели я кого попало пускать в царскую конюшню буду – меня же по хребту-то и огуляют.

– Так что, госпожа, возвращайтесь лучше к себе, – продолжает Барди, ненавязчиво отесняя девицу к выходу. – Отправляйтесь домой, вам, такой нарядной, не место на конюшне грязной...

– Я Сигюн, дочь Бальдра, младшего царевича Ванахеймского, – голос звенит на высокой ноте, улетающая под деревянную крышу. – За твоей спиной стоит моя лошадь, Бьяртфакси. Не заставляй меня звать стражу!..

Барди смотрит исподлобья. Нехотя отступает, освобождая проход.

Сигюн быстрыми шагами идёт к загону с Бьяртфакси. Та радостно ржёт, завидя хозяйку.

– Извиняйте, не признал, – отвечает конюх.

Ванийка кормит лошадь припасённым ломтём хлеба. Гладит светлую гриву, шепчет привычные ласковые слова. Где-то ещё был кусочек сахара...

Слова конюха застают её врасплох:

– Так это, значит, по милости вашего дядюшки я сына лишился?

Сигюн замирает с куском сахара на вытянутой руке. Слишком далеко от морды Бьяртфакси. Та недовольно тянется, мотает головой от невозможности достать.

– В той же мере, в какой этому способствовала милость Одина Всеотца.

Лошадь наконец схрумкивает сахар. Тычется влажным носом в опустевшую ладонь хозяйки. Та вновь гладит Бьяртфакси по довольной морде, напрягаясь, всей кожей чувствуя взгляд, которым одаривает её конюх.

И одним лишь взглядом тот не ограничивается:

– Да что вы говорите, госпожа Сигюн!.. А кто к нам колдунью подпустил, а? Кто, говорю, Гульвейг проклятую кровавую пустил гулять по Асгарду?.. Сын-то мой с приятелем и передрались из-за неё! Как есть друг дружку переубивали из-за ведьмы проклятушей!.. А кто пустил её сюда, кто подослал? Ньёрд ваш, чтоб ему в Хельхейме аукалось!.. Два уж столетия прошло, а всё забыть не могу, как погребальный костёр его на ветру дымился, разгореться всё не мог никак... А сколько таких парнишек на полях войны этой сгинуло, а?! А виной тому – царь ваш, завистник и колдун проклятый! И его отродье теперь здесь проживать будет, а я им в ноги кланяться должен!..

Барди замолкает. Глаза его, будто безумные во время речи, становятся обычными.

И расширяются вновь – от осознания.

А после он упрямо сжимает челюсти:

– Давай, доноси на меня. Пусть и впрямь плетью засекут. Быстрее с сыном увижусь...

Ванийка идёт обратно, останавливаясь рядом с конюхом. В ноздри ударяет с особенной силой конский запах, но та даже не морщится.

– Мне жаль твоего сына, – тихо говорит богиня верности. – И всех, кто погиб в этой нелепой войне. Но бог войны правит *вашей* землёй.

Дверь конюшни за ней затворяется прежде, чем Барди успевает ответить.

Сигюн хлопает дверью покоев, выделенных ей.

Прошло полторы недели, а она так и не начала считать их своими.

Тут нет ничего *своего*. Золотой Асгард величествен до отвращения, пафосен до сведённых скул (она старательно это скрывает). Он строг и холоден, несмотря на тёплое лето. Все его здания, и – особенно – сам Золотой Чертог, кажется, смотрят на неё с презрением, будто на недостойную букашку у подножия.

Что уж говорить о его жителях...

Косые взгляды. Перешёптывания за спиной, смолкавшие, стоило обернуться. Но эти взгляды – от них, кажется, начинают дымиться подошвы. В лицо, как Барди, высказывались редко. Но Сигюн всё равно страшно выходит одной за пределы дворца.

Родители, разумеется, полностью поддерживают её в нежелании выходить из покоев. Но дева, привыкшей к просторам Ванахейма, к его невысоким склонам и бескрайним степям, тяжело и непривычно сидеть в четырёх стенах. Счастливая младшая, которую слишком долго считали маленькой, она часто пропадала в степях, привыкнув к скачке, разливающемуся во всю ширь горизонта восходу, ветру навстречу...

Здесь же она этого лишена.

Ей выделили прекрасные покои. Изящная роспись на потолке. Покрывало тончайшего шёлка, рядом – тёплое стёганое одеяло (ночи в Асгарде холодны). На столике – зеркало в искусной золотой раме и будто невзначай забытая шкатулка с драгоценностями. Приставленные служанки по первому требованию готовы исполнить любую прихоть. Грех жаловаться на гостеприимство Одина Всеотца!..

Только чья вина, что узоры на потолке кажутся Сигюн неестественно вытянутыми, рама зеркала – слишком вычурной, а до шкатулки с камнями она не дотронулась и пальцем.

Прекрасные покои. Прекрасная клетка.

Прощальный закатный луч падает в окно, золотит Сигюн нос, щёки, волосы. Ещё прелестнее становится она в лучах уходящего светила. Жмурится ванийка от яркого солнца, закрывается ладонью.

Кожу всё ещё непривычно царапает кольцо.

Сигюн невзначай опускает взгляд на левую руку.

А ведь не будь всей этой истории с заложниками, она, быть может, носила бы уже кольцо на другой руке. И не помолвочное.

Обручальное.

– Сигюн. Надо поговорить.

Нанна стояла на пороге покоев дочери, не заходя внутрь. Это означает, что разговор будет проходить не в этих стенах.

Бережно заложив место, где читала, шпилькой, богиня верности пошла за матерью. Та проследовала к их любимой зале – зелёные стены, камин и непременно букет белых цветов на столе. Жасмин ли весной, ромашки летом, астры по осени – но непременно белые. Нанна следила за букетами сама, не доверяя столь тонкое дело прислуге.

– Что случилось, мама? – невинно спросила Сигюн.

Мать выглядела непривычно серьёзной. Дева внутренне напряглась. Какая из её проделок успела выплыть наружу?..

– Сядь, дочь.

Когда следом в залу вошёл Бальдр и, подмигнув ей, опустил ся напротив, напряжение лишь усилилось.

Хотя, если бы случилось что-то серьёзное, отец бы ей не подмигивал... И таким довольным бы не выглядел. Бальдр частенько поддерживал дочь в её проделках, покрывая от более строгой и часто нервничающей Нанны.

Если это не касалось безопасности самой Сигюн и интересов Ванахейма, разумеется.

– Мы слишком долго давали тебе слишком большую свободу, дочь, – начала Нанна.

Сигюн неслышно вздохнула: не такую уж и большую, на её взгляд...

– Пора бы тебе подумать о будущем, Сигюн. Многие твои сверстницы уже замужем. Твоя красота начинает привлекать к тебе мужчин, и мне не хотелось бы, чтобы ты наделала глупых ошибок молодости. Они позволительны простой крестьянке, но не дочери второго царевича Ванахейма.

Под ложечкой у Сигюн неприятно засосало. Вот оно, начинается...

– В общем, дочь, настала пора озаботиться поисками подходящего жениха, – подвёл итог Бальдр.

Сердце девы ухнуло куда-то вниз. На щеках выступил нежный румянец. Она заёрзала на месте, старательно отводя глаза в сторону.

Нанна, пристально глядя на неё, спросила:

– У тебя кто-то уже есть на примете?

– Да...

Родители переглянулись.

– И кто же он?.. – тоном, не сулящим ничего хорошего потенциальному жениху, спросил бог света.

Также тихо прозвучал ответ.

Нанна медленно села на подлокотник кресла вместо сидения. Муж не успел её подхватить, ошеломлённо переспросив:

– Кто?..

– Бальдр!.. Какая долгожданная встреча!..

Локи, раскинув руки в гостеприимном жесте, идёт навстречу богу света.

– И тебе здравствовать, царевич Локи.

– О, ты вспомнил о титулах, – тянет бог обмана. – Помнится, ты не всегда был таким обходительным... Что с тобой случилось, Бальдр? Охота к перемене мест одолела? Ванахейм – унылая дыра по сравнению с Золотым Городом, не правда ли?..

Бальдр молчит. Лишь резче обозначаются скулы на его лице.

– Но теперь я за тебя спокоен, – не унимается Локи. – Гостеприимство моего отца не знает границ. И я со своей стороны постараюсь сделать так, чтобы твоё пребывание здесь стало поистине незабываемым.

– Локи!

Тор появляется в проёме, опираясь на дубовый косяк.

– Оставь его.

– Благодарю, Могучий Тор, – отвечает Бальдр. – Но на лай собаки и слова Обманщика едва ли стоит обращать внимание.

Локи усмехается.

– Ваша вражда – притча во языцах у всех девяти миров, – качает головой бог грома. – Неужто не найдётся каждому врагов посерьёзнее?..

Бальдр, пользуясь тем, что вниманием Локи завладел брат, отступает в тень.

– Тор, защитник обиженных и слабых, – хмыкает бог обмана. – Можешь расслабиться: я не собираюсь устраивать Бальдру козней. Так, слегка поддразнил... Я ведь бог озорства, – вновь разводит он руками, обворожительно улыбаясь.

– Я был бы рад, если бы ты образумился и прекратил эту глупую вражду, – говорит Тор, и брат обещает подумать над его словами.

Но стоит Тору отвернуться, огоньки коварства зажигаются в зелёных очах.

– В самом деле, зачем строить козни Бальдру. Есть куда более интересные занятия... – шепчет Локи, и в предвкушении прикрывает глаза, воссоздавая в мыслях прелестный и гордый профиль Сигюн.

Глава 2. О встречах и беседах

*Когда б на то случилась ваша воля –
Гореть бы, верно, мне на медленном огне.
Вы ненавидите меня до боли,
И это весело вдвойне!*

Канцлер Ги «Вы ненавидите меня...»

– Ты звал нас, отец? – Тор первым заходит в кабинет Одина, где тот по обыкновению занимается государственными делами. Локи привычно следует за ним, выглядывая из-за левого плеча брата.

– Мама, и ты здесь? – удивляется наследник Асгарда. – Семейное собрание?

Локи слегка морщится. Он предпочёл бы собрание в более неформальной обстановке. Тогда Тору можно было бы подсыпать жгучего перцу в рог с вином, и, предварительно убрав все ковши с водой, наблюдать, как тот, жадно хватая ртом воздух, пытается выговорить «Локи!..»

Главное – вовремя самому убрать подальше.

– Садитесь, мальчики, – выдёргивает его из приятных воспоминаний мягкий голос матери.

Царевичи садятся. Старший – опершись на расставленные ноги, всей позой выражая готовность внимать правителю и служить державе. Младший небрежно закидывает ногу на ногу и свешивает локоть со спинки стула.

– Возлюбленные сыновья. – Локи вновь морщится при этой фразе: тема отцов и детей для него по-прежнему болезненна. – Я много лет правлю девятью мирами, и чувствую, что начинаю уставать. Даже целительный долгий сон не возвращает теперь мне сил в полной мере.

– Может, тебе стоит обратиться к Эйр? – предлагает Локи. – Или наоборот – прогнать её, как не справляющуюся с обязанностями...

– Помолчи, Локи!.. Я не просил советов, – раздражение прорывается в хорошо поставленном голосе царя Асгарда.

...Эта особенность приёмного сына непрошенными словами или, тем паче, действиями походя разрушать взлелеянный пафос раздражала Всеотца с самого детства Локи. Была у Одина неистребимая любовь к величию, торжественности, красивым речам. Он справедливо считал, что и так много делает для девяти миров, а потому может позволить себе маленькие слабости.

У Локи же с детства оказался талант сперва нечаянно, а после – уже осознанно раз за разом ставить Всеотца в нелепое положение. Сбивать пафос, разрушать торжественность, выворачивать наизнанку красивые фразы, порой обнажая не самую приглядную их сущность. Один не считал себя святым, полагая, что правитель таковым быть не может и не должен. Но кому нравится выслушивать о себе непрошенную правду?..

– Я чувствую, что устаю, – продолжает Всеотец, не глядя на младшего сына. – Полвека-век – и я захочу уйти на покой, оставить царствование. А это значит, что тебе, Тор, нужно будет занять трон Асгарда.

Локи всё с тем же небрежным видом поднимается.

– Я смотрю, это очень *узкосемейные* посиделки. Пожалуй, я пойду.

– Локи!.. – укоризненный голос Фригг не останавливает его.

А вот повернувшийся сам собой – по велению Одина, разумеется, – ключ в двери вынуждает остановиться.

– Сядь, *сын*.

Бог обмана разворачивается, скрестив руки на груди. Прислоняется к закрытой двери.

– Вам обоим нужно будет принять царство. Каждому – своё. Вы оба прекрасно знаете об этом с детства.

– А Лафей в курсе твоих великих идей? – перебивает Локи. – Он как-то на старость пока не жалуется...

– Лафей прекрасно знает, на каких условиях ты отправился в Асгард. Время пришло. Правители должны сменяться, это полезно для царств. И для самих царей, пожалуй, тоже, – уже тише добавляет Один.

– Отец... – начинает было Тор, но тот властным взмахом руки останавливает его:

– Помолчи, Тор!.. Что за дети у меня, – жалуется он жене. – Не дадут старику досказать до конца мысль!.. А сказать я хочу, что вы, наследнички, прежде чем взойти каждый на свой трон, должны остепениться. Доказать серьёзность намерений и заранее озаботиться продолжением царского рода. Жениться вам надо, возлюбленные мои сыновья!..

Тор, собравшийся было вновь что-то сказать, так и застывает с открытым ртом.

Даже Локи, лицедей и обманщик, не сразу справляется с лицом.

Один хмыкает в бороду, наслаждаясь произведённым эффектом.

Фригг, поднявшись с места, подходит к Тору. Кладёт ладонь на светлые волосы сына, задерживается так на минуту. Потом подходит к Локи, чьи руки по-прежнему сцеплены на груди в защитном жесте. Кладёт руку ему на плечо, даже сквозь ткань камзола ощущая, как напряжён её младший сын.

– Локи. Тор. – Мягкий голос царицы баюкает, будто в детстве, когда оба засыпали на её руках. – Никто не требует от вас бежать под венец прямо завтра. У вас будет время найти себе дев по сердцу.

– Но советую с поиском не затягивать, – добавляет Всеотец. – Не найдёте себе жён в ближайшее десятилетие – сам вас женю. Хватит уже лоботрясничать.

Дворцовый сад Сигюн не нравится.

Не кусты – шары, кубы, пирамиды... Клумбы тоже высажены в ровные линии и круги. «Издевательство над природой», – думает ванийка.

Где буйство зелени, цветов и красок, не скованное никаким вмешательством? Где простор родных степей, по весне покрытых цветущим ковылём, когда и не разобрать, по степи едешь – или по морю плывёшь...

Море, кстати, в Ванакейме тоже имелось. Всё же Ньёрд, царь Ванакеймский – бог моря и ветра. Царская семья частенько делала к нему вылазки. Сигюн не очень их любила – на море её нещадно качивало. Даже при легчайшем бризе. Потому она любовалась величественной стихией обычно с берега.

А ещё Сигюн не нравится, что в саду Асгарда совсем нет привычных водопадов. Только фонтаны.

Дева вновь – в который уже раз?.. – вздыхает. Порой ей кажется, что превратись её вздохи в туман, тот бы укрыл весь Асгард. Но она не богиня туманов, она всего лишь богиня верности.

Заметив дерево, чьи мощные корни вспороли землю, нарушив ровную гармонию дорожки, Сигюн подходит к нему и обнимает ствол. Прижимается щекой к тёплой морщинистой коре. Сколько столетий наблюдал этот непокорный дуб? Пару-тройку уж точно...

Дева устало прикрывает глаза. Расслабляется.

И вздрагивает от насмешливого голоса:

– Как трогательно. Неужели такой красивой леди больше некого обнять, кроме как бездушное дерево?..

Сигюн оборачивается. Незнакомый ас в чёрно-зелёном камзоле ухмыляется краешками губ.

– Я нахожусь здесь не по своей воле. Недостойно мужчины и воина усугублять и без того тяжёлое положение девы, – внутренне подбираясь, отвечает богиня верности.

Она ожидала любой реакции – от злости до извинений – но только не искреннего смеха.

– Мужчины? Воина? Недостойно?.. – ас изящным жестом вытирает выступившую от смеха слезинку. – Полно, да ты хоть знаешь, кто я?

– Не имею чести знать, – сдержанно отвечает Сигюн, мысленно добавляя: «и ещё бы десять веков не знала».

– Позволь представиться, – ас шутовски раскланивается. – Локи, сын Одина, сын Лафея. Не смотри так, мама у меня тоже имеется. Царевич Асгарда, наследный царевич Йотунхейма. Бог огня и магии, трикстер по призванию и образу жизни.

За плечами аса сам собой начинает струиться зелёный плащ, которого секунду назад не было. Голову венчает золотой рогатый шлем, невозможно блистающий на солнце.

Сигюн бледнеет.

– Ты забыл упомянуть такие сферы, как ложь и коварство, – отчеканивает она. – Мне прекрасно известно о том, кто ты. Отец рассказывал.

Развернувшись, дева быстро идёт по дорожке.

Длинноногий царевич догоняет её в два шага:

– Сигюн, послушай... С твоим отцом мы и впрямь когда-то повздорили. Но это всё в прошлом! Поверь, у меня нет желания продолжать вражду. Особенно сейчас, когда наши царства наконец-то окончили кровопролитную войну.

Сигюн не сбавляет шага, и Локи в попытке остановить дотрагивается до её предплечья.

Деву будто прошивает искорками по всему телу от этого прикосновения. Так быстро и ярко, что она даже не успевает испугаться.

Сбросив руку царевича, выговаривает чётко и ясно, будто малому ребёнку объясняет:

– Я не желаю иметь никаких дел с богом обмана и на правах гостьи прошу оставить меня в покое. Я достаточно понятно выразилась?

Локи даже замирает, любуясь на горящие праведным гневом серые очи. Сигюн как раз хватается времени уйти дальше по садовой дорожке.

Царевич уже не идёт за ней. Смотрит вслед, прищурившись. Хмыкнув, шепчет:

– Однако!.. Лиха беда начало...

Сигюн смотрит в окно. Ясное солнце, безоблачное небо манят выйти в сад. В покоях в такой день совсем тошно находиться.

Но деву останавливает вчерашняя встреча.

...Отец не раз рассказывал о Локи – боге обмана и коварства, своём давнем заклятом враге. Разумеется, в его рассказах тот приобретал черты и вовсе демонические. Оттого, увидев вполне симпатичного аса, Сигюн не ожидала, что тот окажется отцовским недругом.

Она не поверила ни единому его слову о желании прекратить вражду с Бальдром. Отец бы сказал об этом. Да и без лишних слов было понятно, что нельзя верить тому, чьё второе имя – Обманщик.

Сигюн какое-то время пытается читать книгу, но строки плывут перед глазами. Душно, несмотря на распахнутое окно. Так манит прохладная зелень и свежесть фонтанов... Будь хоть трижды изуродована руками асов, по мнению ванийки, – природа остаётся природой.

Разозлившись от духоты, а пуще того – от осознания собственного бессилия, Сигюн подхватывает книгу и почти бегом направляется в сад.

В конце концов, ей тут жить неопределённое время, и если она будет шархаться от каждой тени, пусть даже с изогнутыми рогами...

Устроившись на скамейке в тени, неподалёку от фонтана – золотая девушка с кувшином, из которого льётся вода, – Сигюн проводит вполне очаровательный час, позволяя истории унести себя на крыльях.

...Книга дочитана. Раскрытая на последнем развороте, по-прежнему лежит на коленях хозяйки. Солнце, переместившись, освещает испещрённые рунами страницы.

И оттого внезапно лёгшая на неё тень кажется ещё темнее.

– Хотел бы я быть книгой, – с грустью говорит Локи, когда Сигюн оборачивается. Он без шлема и плаща. – У неё есть шанс быть прочитанной... услышанной...

Сигюн подавляет тяжёлый вздох. За что ей это наказание?

– Что же примечательного в словах Обманщика? – сдержанно спрашивает она.

– Быть может, правда? – мгновенно реагирует Локи, довольный тем, что Сигюн не убегает, а задаёт ему вопрос. – Кому лучше знать о

правде – тому, кто разбирается в обмане, или тому, кто в ослеплении своём уверен лишь в собственной правоте?..

– Ты о моём отце. – Не вопрос – утверждение.

Локи непринуждённо усаживается на скамейку рядом с Сигюн. Та невольно отодвигается с середины на противоположный край.

– Отчего же? – взгляд зелёных глаз, кажется, проникает в самое сердце. Богиня верности, не выдержав, отворачивается. Почему отец никогда не говорил, что у врага его столь пронзительный взгляд?.. – Это применимо ко многим. К тебе, например.

– Ты обвиняешь меня в предвзятости? – пожимает плечами дева. – Ты сам создал себе репутацию, бог обмана.

Захлопнув книгу, Сигюн поднимается. Сбегать, как вчера, она не собирается – гордость и достоинство, вновь поднявшие голову, не позволяют. Но и оставаться в обществе младшего царевича Асгарда у неё нет ни малейшего желания.

– Всегда виноват Локи. Если что-то случилось в отдалённом уголке девяти миров, не стоит докапываться до причин – обвини Локи, не прогадаешь!.. – печальным голосом царевич пародирует торгашей с рынка, всеми силами пытающихся продать свой товар. Локи частенько под чужой личиной бродил среди простого народа, набираясь слухов, сплетен, мнений и чаяний.

К слову, Один делал то же самое. Только не личину накидывал, а умело глаза отводил. Хоть три часа с царём проболтай – не признаешь ни за что. Возможно, эта привычка была одной из причин столь успешного и длительного правления Всеотца.

Сигюн не отвечает. Она решает игнорировать Локи. Может, тогда он отстанет и пойдёт тратить свой красноречие на кого-нибудь другого.

Подойдя к фонтану, богиня верности присаживается на парапет. Трогает рукой прозрачную воду. Холодная. Пожалуй, деву-статую даже можно назвать красивой... Хотя водопады Ванахейма не идут ни в какое сравнение, конечно.

– Ай!.. Что за...

Тугая струя воды, ударившая в грудь, едва не опрокидывает деву навзничь.

Мокрая, в непристойно прилипшем к телу платье, Сигюн отпрыгивает в сторону. Локи с невинным видом убирает ладонь от льющейся из кувшина струи, позволяя воде вновь спокойно течь.

– Что это было?!.. – возмущается Сигюн, пытаясь создать между тканью платья и собственным телом воздушную прослойку.

– Подумал, в столь жаркий день приятно освежиться, – улыбается бог обмана. Его камзол совершенно сухой. – А у тебя прелестная фигура, – добавляет он, и Сигюн чувствует себя так неудобно, будто

стоит перед ним обнажённая. Нестерпимо хочется укутаться хоть во что-нибудь. Будь рядом кусок дерюги – не мешкая, укрылась бы ей.

– Если на таких шутках и строится твоя слава трикстера, то я не дам за неё и распоследнего ломаного гроша, – сердито говорит дева.

Локи запрокидывает голову, тряхнув волной чёрных кудрей. Смеётся.

...Когда Сигюн уходит сушиться и переодеваться, смех бога обмана постепенно смолкает. Недоумение проступает на точёном лице.

– Я ведь собирался её очаровывать, а не... – бормочет Локи. Но неугомонной натуре трикстера до дрожи в коленках захотелось подшутить над этой красивой и гордой ванийкой, такой правильной, такой величественной, несмотря на статус заложницы... И он поддался этой слабости.

В задумчивости царевич садится на мраморный парапет фонтана. Кажется, он ещё хранит тепло тела Сигюн. Хотя нет, это солнце нагрело...

Конечно же, солнце. Ведь сегодня так тепло. Даже жарко. А значит, освежиться и впрямь приятно...

Прикрыв глаза, Локи откидывается спиной прямо в чашу фонтана, в ледяную воду.

Кожа его становится синей.

Интересно, что скажет Сигюн на его вторую ипостась?..

– Отец. Здравствуй. – Короткий кивок.

– В этот раз ты с опозданием, Локи. Я ждал тебя утром, время же к обеду.

Лафей поднимается с ледяного трона. Делает несколько медленных шагов в сторону Локи. Тот по-прежнему стоит на месте.

– Я опоздал всего на полдня, – говорит бог обмана. Голос его гулко разносится по ледяному залу. Рассчитанный на великанов, дворец до сих пор кажется Локи неоправданно высоким.

– На *целых* полдня. Не я ли тебя учил, что точность – одно из достоинств царя? Или Один внушает тебе другое? – едко спрашивает Лафей. Глядя на сына в обличье аса, еле заметно морщится: – Не желаешь принять надлежащий вид?

– Что, так не по душе тебе моя бледность? – усмехается Локи. – Асгардские девы иного мнения...

Полные негодования алые глаза ему ответом. Неслышно вздохнув, Локи оборачивается йотуном, и взгляд отца смягчается.

Разве так не лучше? Исчез нелепый зелёно-чёрный камзол – йотуны носят лишь набедренные повязки. Стройный торс, длинные сильные ноги, причудливые – у каждого свой – узоры по синей коже... На вкус Лафея, йотуном Локи шло больше.

Сам Локи так не считал, редко оборачиваясь за пределами Йотунхейма. Исключением была пора отрочества, когда в период бурного роста начала активно проявляться и йотунская природа. Одним прекрасным утром половина Золотого Чертога проснулась, стуча зубами от холода. Один, найдя Локи, растерянно сидящего в покрытой льдом зале, пошёл ещё на одну уступку приёмному сыну.

Разрешил видиться с родным отцом.

Ледяной нож йотуна, мгновенно вылетевший из его ладони, упёрся в грудь худенького подростка-аса.

– Что ты здесь делаешь? Ты шпион Одина? Отвечай, или умрёшь!..

В следующее мгновение на месте аса стоял молодой йотун.

– Я Локи, сын Лафея, твоего царя, – уверенно заявил он. – Отведи меня к нему, и побыстрее, а не то пожалеешь!..

Йотун покачал головой, но во дворец отвёл. В любом случае странного пришельца нужно было показать царю.

...Йотунхейм оказался похож на то, каким рисовал его себе Локи по книгам и картинкам. И в то же время не похож. Снежные холмы. Чёрные изогнутые деревья, никогда не знавшие радости весны и обновления. Невероятной красоты северное сияние вдали, у горизонта. Он был огромным, строгим и... словно чего-то ожидающим.

Странное чувство охватило Локи, пока он брёл за йотуном. Будто узнавал он заснеженные пейзажи раньше, чем те возникали на их пути. И оттого щемило сердце, и заходило оно от пугающей красоты родины.

Пока не вспомнил Локи, что родина ему чужбина, и сам он – чужак и в Золотом Городе, и в этой снежной синеве.

К тому времени и ледяной дворец перед ними возник.

– Ну здравствуй... сын.

Йотун, показавшийся Локи огромным, поднялся с ледяного трона и пошёл ему навстречу. Эхо шагов заматалось под высокими тёмными сводами.

– Называешь меня сыном? После того, как позволил унести в чужой мир?.. – холод в голосе Локи мог бы соперничать с окружающим холодом.

Лафей остановился, не дойдя пары шагов.

– У меня не было выбора, – с горечью ответил царь Йотунхейма. – Поверь, я жалел об этом больше, чем о проигранной войне.

– Мне не нужна твоя жалость и твои жалкие оправдания, – всё тот же холод в голосе. – Я не за этим пришёл.

– Ты сбежал? – оживился Лафей. – Нашёл тайный проход между мирами?..

Лицо Локи перекосилось. Он дёрнул тонкую золотую цепочку на шее, раньше Лафеем незамеченную.

– Вот это вернёт меня домой через три дня, – отчаяние расколело маску ледяной отстранённости. – Я уже пытался снять... не выходит.

– Одноглазый мерзавец... С каким наслаждением я бы выколол ему и второй глаз, а после вонзил клинок прямо в лживую глотку, – прошипел царь Йотунхейма. – Пойдём, Локи, нам о многом надо поговорить.

– От себя не убежать и не спрятаться даже в чужом золотом мире.

Царь и царевич Йотунхейма сидят в малом зале. Причудливые ледяные узоры украшают стены.

– Я предлагал тебе не раз доказать верность *твоему* миру, Локи. Принести Ледяной Ларец. Ты умеешь укрываться от взгляда Стража. Твои таланты и твой статус – пропуск в сокровищницу Одноглазого. Но ты уходишь от ответа уже который год, мой скользкий сын.

Лафей не смотрит на Локи. Взгляд его устремлён сквозь узкое высокое окно. Вечный мрак – которое уж столетие.

С того дня, как родился его младший сын.

– Один отобрал у меня двух сыновей, – глухо продолжает Лафей. – Отобрал победу, лишил Йотунхейм главной поддерживающей силы. Казалось мне, третий сын не упустит возможности отомстить за свой мир и свою семью, когда войдёт в возраст... Я верил тебе, *бог обмана*, – пристальный взгляд из-под тяжёлых век опускается на Локи. – Но и моему терпению есть предел. Я вижу, что чужая семья тебе милее, как бы ни поносил ты Одноглазого при мне.

– Отец, в тебе говорит ревность, – усмехается Локи. – Я всего лишь выжидаю удачный момент.

– Сколько уже лет? – резко спрашивает царь Йотунхейма.

Локи пожимает плечами:

– Не хочу подставляться. Ты ведь и сам знаешь о возможностях Одина – и о том, каков он в гневе. Но он слабеет. Не без моей скромной помощи, – скромно опускает он глаза. – Я не могу его убить, но ежевечерний яд в вино медленно подтачивает его изнутри. Мой серпентарий недавно пополнился прекрасным экземпляром. Свартальфхеймская белая гадюка, – белые зубы в усмешке сверкают особенно ярко на синем лице. – Для любого другого достаточно было бы и капли, но Один...

Младший йотун разводит руками, будто извиняясь за приёмного отца.

Лафей смотрит на сына в упор.

– Хорошо, – наконец роняет он. – Я долго ждал, подожду ещё немного. Но тебе пора делать выбор, Локи, кто ты – ас или всё же йотун. Нельзя вечно жить на два мира.

Тору несвойственна задумчивость. Вот порубать врагов молотом или, на худой конец, могучим кулаком – дело другое.

Но, хоть добрая битва по сердцу богу грома, понимает он, что войны – не повод для радости. Оттого доволен он окончанием войны с Ванакхеймом.

Слова Одина о женитьбе всколыхнули спокойствие Тора. Оттого по старой привычке сидит он на широком подоконнике в коридоре Золотого Чертога, не зная, что и делать ему теперь. Вдвоём с братом порой устраивали они штурмы асгардских красавиц, но то ночные развлечения, а будущая супруга и царица девяти миров – совсем иное.

– Тор, – знакомый голос окликает его, и, восторженувшись, словно боевой конь, тот разворачивается.

И застывает с очень глупым видом.

Сиф. Давняя, надёжная подруга. В платье, подчёркивающем её прелести. В дорогом ожерелье, что вспыхивает огоньками в солнечных лучах, но всё одно Тор не сразу переводит взгляд выше.

В женскую одежду Сиф облачается только на торжественных приёмах. Сегодня ничего подобного не намечалось...

– Тор, – Сиф улыбается – так мягко, так непривычно. Присаживается рядом. – Я тут подумала...

– Да, Сиф? – радостно улыбается в ответ Тор.

Та подавляет смешок.

– Мы столько вынесли вместе, прошли такой путь рука об руку. Пережили эту войну...

– Но мы были не одни, Сиф, – возражает царевич. – С нами были друзья, наши славные воины!..

– ...а ты до сих пор не смотришь на меня как на женщину, – продолжает как ни в чём ни бывало Сиф, и Тор второй раз застывает с открытым ртом.

– Мы победили, Тор. А это значит, можно наконец расслабиться. Приходи ко мне сегодня вечером, – положив ладонь громовержцу на плечо и наклонившись к его уху, жарко шепчет дева.

И, быстро соскользнув с подоконника, буквально упархивает за поворот коридора.

Тор тщательно готовится к вечеру. Надраивает броню до ослепительного блеска, хотя внутренний голос подсказывает, что броня не особо и нужна. Заплетает две косицы по вискам, убирая остальные волосы за спину.

И велит собрать букет из белых и красных роз.

Он шокирован и образом Сиф, и её в высшей мере неожиданным предложением. Видя в ней долгое время лишь надёжного друга, в последнее время Тор и сам начал замечать, в какую прелестную деву

превратилась некогда нескладная девчонка, заявившая, что её мечта – стать великим воином.

И она исполнила эту мечту.

Когда сумерки становятся всё гуще и темнее, Тор с бьющимся сердцем останавливается у покоев Сиф. Поудобнее перехватывает розы.

Тихонько стучит.

Дверь отворяется не сразу. Сиф в привычном мужском облачении недоумённо смотрит на царевича.

– Тор? Что ты тут делаешь? – удивлённо спрашивает она.

Царевич, шагнув внутрь, удивляется не меньше:

– Но ведь ты сама позвала меня...

– Тор, ты пьян? Что ты делаешь в *моих* покоех?

– Ты сама назначила мне встречу, Сиф! Признаться, я был удивлён, но я обдумал твои слова и пришёл к выводу, что ты права. Мы и впрямь можем попробовать... быть не только друзьями... – последние слова Тор произносит всё тише, с опаской глядя, как наливаются яростью взгляд девы. На что способна разъярённая Сиф, царевич имел удовольствие наблюдать.

– Я ничего тебе не назначала, олух! – срываясь, кричит Сиф. В самом деле, сколько можно издеваться...

– Но кто же тогда... – Внезапное понимание отражается на лице Тора. Вспоминая несвойственное «Сиф» жеманство и развязность, он делает логичный запоздалый вывод: – Локи.

Тору становится ужасно неловко. Мысленно призывая на голову брата всевозможные кары и обещая поучаствовать в них лично, он прячет букет за спину и, бормоча извинения, берётся за ручку двери.

– Что это? Алые и белые розы?.. Единство взглядов? Прочная дружба и... любовь?.. – доносится до него, и Тор останавливается.

– Ты нёс его *мне*? – а вот такого голоса от Сиф он не слышал даже в тяжёлых походах. В глазах её стоят слёзы.

– Сиф... Родная, не плачь, не надо... – Тор не знает, что делать с плачущей девой, которая не плакала на его памяти ни разу.

Она всхлипывает.

– Неужели твоему брату надо было заочно опозорить меня, чтобы ты наконец заметил... – дева отворачивается.

– Заметил что, Сиф?

Зарывав – утробно, низко – та бросается Тору на шею. Стискивает в объятьях и мокро, жадно, неумело целует со всем пылом, копившимся уж не первое столетие.

Розы выскользывают из рук Тора. Освободившимися ладонями он накрывает плечи Сиф, прижимая её к себе.

Мелькает мысль, что от шуток Локи иногда бывает польза.

– Сигюн!

О, этот голос... Томный, будто бархатом обволакивающий.

Чтобы удобнее было пырнуть кинжалом, едва расслабишься.

– Как твоё самочувствие? – обворожительная улыбка. – Не заболела после нашей встречи?

– Это в твоих правилах: сперва обливать ледяной водой на ветру, а после интересоваться самочувствием? – сухо говорит ванийка.

Локи обескураженно разводит руками:

– Ветра не было. Но ты права, это была глупая шутка. Не знаю, что за безумие на меня нашло. Я бы хотел заглядить свою вину, если позволишь. – В его ладонях появляется маленький изящный букет белых лилий, который он с лёгким поклоном вручает Сигюн.

– Прекрасной царевне Ванахеймской, гостье моего отца, а значит, моей гостье.

Сигюн уводит руки за спину.

– Царевна Ванахеймская одна – Фрейя. Оставь свои штучки для асгардских дев. Я не куплюсь на такую смехотворную ерунду.

Букет в руках Локи разлетается, осыпая Сигюн белыми лепестками. Тончайший аромат лилий окутывает её.

Дева отступает назад.

– Локи, что ты от меня хочешь? – утомлённо произносит она, и царевич внутренне оживляется: она впервые назвала его по имени.

– Всего лишь твоего обворожительного общества, – Локи вновь улыбается, склонив голову набок.

– А тебе не говорили, что домогаться общества обручённой девы – дурной тон?..

Сигюн нервным жестом одёргивает платье, и Локи, проследив взглядом, замечает на левой руке характерное кольцо.

Вот как... Он не знал.

Что ж, это делает задачу ещё интереснее...

Глава 3. О прогулках и посланиях

Но как же мог я поступить иначе.

Хоть, впрочем, ясно мне действительно одно:

Вы ненавидите меня до плача,

И мне от этого смешно!

Канцлер Ги «Вы ненавидите меня...»

Ветер навстречу. Ровный бег лошади. Светлая грива, взметающаяся в такт бегу. Как же ей этого не хватало!..

...Сигюн, не выдержав плена Золотого Чертога, с самого утра пробралась в конюшню и, стараясь не разбудить спящего конюха, вывела Бьяртфакси. Сквозь город она ехала, укутавшись в капюшон, и то ли и впрямь не признал никто, то ли спали добрые асы в такую рань, только никто не чинил ей препятствий.

А когда выехала за высокие ворота города, окинула взглядом простор, лёгший под копыта Бьяртфакси, – показалось Сигюн, будто дома она, в Ванакхейме.

Но не успела ванийка проехать и мили, как лошадь её забеспокоилась.

Подняв морду, тревожно ржёт. Прядает ушами.

А после пускается в галоп.

Не понимая, что случилось с всегда послушной лошастью, дева пытается совладать с ней, но безуспешно. Всхрапывая, та и не думает снижать скорость.

Сигюн догадывается оглянуться назад – и в следующее мгновение её рука уже сама подхлестывает Бьяртфакси.

Младший царевич Асгарда собственной персоной.

Верхом на огромном волке.

И чего не спится на мягких перинах в такую рань?..

Внезапно Бьяртфакси натывается на невидимую преграду и, как ни пытается вырваться, ничего не может сделать. Отчаянное ржание оглашает окрестности.

– Не мучь животное, – раздаётся ленивый голос. – Слезь с лошади, и я отпущу её.

Локи неторопливо, красуясь, подъезжает к стреноженной лошади. От близости волка та совсем обезумливает.

Сигюн, с трудом удерживаясь на бьющейся лошади, выдыхает:

– Ты следил за мной!..

Локи шутовски раскланивается:

– А как ты думаешь, почему тебя так легко пропустили стражники у ворот?.. Слезай с лошади. Поговорить хочу.

– Ну а я не хочу с тобой разговаривать, – заявляет Сигюн, и царевич подъезжает ещё ближе. Бьяртфакси дёргается уже невероятно, кося на хозяйку жалобным взглядом. Ванийка нехотя спешивается.

В ту же минуту невидимая преграда исчезает, и лошадь, сорвавшись, мчится, не разбирая дороги.

Сигюн, с опаской косясь на волка, скрещивает руки на груди.

– Что ты хотел? – хмуро спрашивает она.

– Побывать в твоём прелестном обществе, – странно, в голосе не звучит привычной насмешки.

– Побыл, доволен? Отлично, теперь моя очередь. Избавь меня от *твоего* общества.

Развернувшись, дева идёт в противоположном Золотому Чертогу направлении.

– Заблудишься, – всё также спокойно и серьёзно говорит Локи, подъезжая к ней ближе. – Садись, довезу. Фенрир подчиняется мне, можешь его не бояться.

– То есть ты прогнал мою лошадь, а теперь предлагаешь ехать на твоём волке?..

– Ну да. Будет шанс познакомиться... поближе, – Локи почти мурлыкает, и от обольстительного тембра его голоса на глаза девы наворачиваются слёзы. Вот за что ей это? Так хорошо начиналось утро...

И надо же было всё испортить этому... царевичу, чтоб его...

– Сигюн, – неожиданно мягко произносит Локи. – У меня нет желания причинять тебе вред. Я хотел лишь поговорить. И да – желательно, чтобы ты при этом не могла от меня сбежать.

– Чего ты хочешь? – обречённо спрашивает ванийка, стараясь незаметно смахнуть покотившуюся слезинку.

– Ну для начала – что понесло одинокую деву, находящуюся не в лучшем положении, за город в полном одиночестве? Я бы не сказал, что весь асгардский народ так уж стремится выполнять распоряжения моего отца. Чем дальше от города, тем нравы жёстче.

Сигюн хочет привычно огрызнуться, но внезапно у неё вырывается:

– Я люблю простор. Свободу. Скачку. Когда тебя никто не сдерживает рамками и правилами, положенными для знатной леди. Когда есть только лошадь и ты. У меня на родине потрясающие равнины. Здесь... не так, но... я пытаюсь научиться жить в новом доме.

Последние слова звучат сухо. Дева уже корит себя за то, что разоткровенничалась перед богом обмана. Теперь он явно не преминет поиздеваться над ней...

Но во взгляде царевича нет и намёка на насмешку. Кажется, ему интересно.

– А что ты любишь ещё? – склонив голову, спрашивает он.

Помолчав, Сигюн отвечает:

– Книги. Одиночество. Шумные пышные праздники и фейерверки в конце. Горы. Лошадей, – добавляет она.

Локи мягко соскальзывает с Фенрира, что-то шепчет тому на ухо, треплет по загривку. Блеснув зелёными глазами, волк мягкой трусцой убегает по своим делам.

Проводив того взглядом, Локи подходит к Сигюн, но не слишком близко.

– Ты была в Альвхейме?

Отрицательный кивок.

– Там потрясающие горы. Хочешь увидеть? Я знаю тайные проходы между мирами.

Сигюн недоверчиво смотрит на протянутую руку.

– Обещаю вернуть тебя в целости и сохранности! Вместе с твоей невинностью, – вскидывает царевич ладони вверх.

Кровь приливает к лицу девы, но она по-прежнему не двигается.

– Ну же! Сама ведь скучаешь в Золотом Чертоге. В больших дозах он невыносим, тут я полностью тебя поддерживаю. Соглашайся, Сигюн!..

«Я никуда не пойду с тобой, бог обмана!..»

Дева уже набрала воздуху в лёгкие, чтобы произнести заготовленную тираду.

И тихо выдохнула, ничего не ответив.

Она и впрямь устала от вычурности Золотого Чертога. От того, что не с кем перемолвиться словом, кроме родителей – кругом чужаки, учтиво относящиеся к ней лишь по велению своего царя. И... так давно никто не спрашивал о том, что она *любит*... Не интересовался ей – пусть и в такой докучливой форме.

Раз уж Локи испортил ей поездку...

Ладонь ванийки медленно ложится в протянутую руку.

...Сигюн обнаруживает себя вцепившейся во что-то тёплое, твёрдое и... кажется, приятно пахнущее. Кругом темно. Голова немилосердно раскалывается от перехода через портал.

Немного отдышавшись, она понимает, что здесь не так уж и темно – лишь предрассветный сумрак. Вдали на горизонте уже прорезалась узкая полоска света.

Окончательно придя в себя, Сигюн понимает, что её обнимает младший царевич Асгарда.

И, что хуже, – она и сама вцепилась в него как в родную маму.

Задёргавшись, ванийка выворачивается из объятий. Отходит от Локи на пару шагов.

– Ну вот, а я было обрадовался... – насмешливо хмыкает тот. Взмахнув рукой, указывает на северо-восток:

– Видишь вон те горы?

Проследив за его жестом, Сигюн восхищённо выдыхает.

Горная цепь в величественных снежных шапках. Заря занимается прямо над ними. Розово-алая, окрашивает она вершины гор, и зрелище это прекраснее блеска драгоценных камней в ванахеймской сокровищнице.

– Хочешь подняться на вершину? Пока поднимемся, заря займётся уже в полную силу, и вид будет потрясающим.

– Но... мы неподходяще одеты, – говорит Сигюн, оглядывая свой слишком лёгкий костюм для верховой езды. Не говоря уж об обуви –

плетёные сандалии явно не годились для покорения снежных вершин. Да и камзол царевича тёплым не выглядел.

– То есть, *ты* неподходяще одета, – уточняет Локи, магией создавая себе дорожный костюм и плащ. Полюбовавшись нахмуренным лицом Сигюн, щелчком одевает и её.

– Хорошо быть магом! – хвастается бог обмана.

...Сигюн теряет счёт времени. Горы требовательны: то пропасти, то завалы по пути. Да и сам подъём с непривычки утомителен. Но эта прогулка – однозначно лучшее, что с ней случилось после приезда в Асгард.

А может, и не только.

– Как же красиво!..

Заря за время их подъёма рассеялась, и теперь золотые лучи всюду режутся на снежных вершинах, слепя взгляд. Снег скрипит под ногами, и морозный воздух румянит лица. А внизу...

Озеро. Два, нет, три. Да их здесь с десятком!.. Голубые, синие, лазурные, тонут они в зелени трав. А вон и горная река, бурная, извилистая, будто затаившаяся в ожидании добычи змея. Солнце блестит в синеве озёр, и те кажутся сапфирами, оброненными горными мастерами.

Локи смотрит на Сигюн так, будто сам создал и озёра, и горы, и все девять миров.

И тут до Сигюн доходит.

Она провела полдня в чужом мире, с чужим мужчиной, любезно болтая с ним. С врагом отца, с недавним врагом её народа. Она обнимала его при переходе через портал – и пару раз на особо сложных участках подъёма.

А она вообще-то обручена. Она давала клятву верности, и верность – сфера её покровительства.

Восхищение уходит с лица девы.

– Верни меня обратно.

Не просьба – приказ. Сухой и хлёткий, будто пощёчина.

Тень набегает на лицо царевича. Не говоря ни слова, он открывает проход в Асгард.

В этот раз он Сигюн не поддерживает, и она вываливается из портала мешком на землю. Сам же Локи изящно опускается поодаль.

Звук пощёчины оглашает пустой тронный зал.

Локи же вместо возмущения только ухмыляется:

– Сиф!.. Не расстраивай меня – неужели мой брат опозорился на ложе? Право, я не ждал от него подобного, но...

Вторая пощёчина не останавливает его надолго:

– ...ты всегда можешь обратиться ко *мне*, если возникнут какие-то проблемы. Уверяю, я не уроню чести царской семьи.

– Ох и трепло же ты, Локи! – восклицает Сиф. – Так бы и прибила!..
– Без меня бы вы с Тором ещё пять столетий в гляделки играли, – фыркает бог обмана. – Так что именно мне ты обязана своим счастьем.
– В чём-то ты прав, – вынуждена согласиться дева. Приподнявшись на цыпочки, коротко целует его в щёку. – Считаю это благодарностью.
И уходит.

– Эй, и это всё? Я не против продолжения!..

Кулак воительницы, показанный из-за спины, ему ответом.

Локи провожает задумчивым взглядом стройную фигуру Сиф. И вот уже другая фигура возникает в воображении – в мокром платье, так соблазнительно прилипшем к телу...

Приоткрытый блестящий рот. Жаркое дыхание. «Локи, я хочу быть твоей... только твоей...»

И – бальзамом на сердце – разъярённая физиономия папаши.

С сожалением бог обмана выныривает из грёз. Рано. Ещё рано. Надо посильнее расположить к себе, привязать...

А красива всё же дочь Бальдра. Краше асгардских дев – а младший царевич Асгарда изведал их прелесть не понаслышке.

– Дочь! Где ты была? Мы уже хотели идти к Всеотцу, чтобы он послал на поиски стражников!..

Сигюн спешивается с Бьяртфакси, привычным жестом треплет ей гриву.

– Всё в порядке, мама, – отвечает она. – Я всего лишь решила прокатиться. Ты же знаешь, как я люблю ездить верхом!..

– Это всё Форсети, – поджимает губы Нанна. – Сколько раз говорила я ему, что у него не брат, а сестра! Всё равно учил мальчишеским выходкам!..

Бросив поводья подоспевшему слуге, богиня верности вздыхает. Это не первый подобный разговор матери с дочерью. Точнее, монолог Нанны. Сигюн довольно быстро поняла, что её возражения лишь сильнее распаляют мать, а стоит покивать с виноватым видом, как та смягчается.

До следующего раза.

Вот и сейчас Нанна, перестав отчитывать дочь, крепко обняла её:

– Предупреждать же надо, Сигюн! Ты не дома в Ванахейме! Чем дальше от дворца, тем меньше веса у царских слов!..

– Прости, мама, я не подумала, – бормочет Сигюн, с ужасом осознавая, что у неё впервые появились серьёзные секреты от родителей. Причём от обоих сразу.

Потому что рассказать о том, где и с кем она провела сегодняшнюю прогулку, она не сможет ни матери, ни – тем более –

отцу. Она и себе-то не может толком объяснить, почему согласилась на предложение Локи.

– Я после поездки устала, мама. Пойду к себе, пожалуй, – в смятении произносит богиня верности, и Нанна согласно кивает.

Сигюн доводилось обманывать. Но это было детским враньём: опять поссорилась с близнецами, гуляла там, где запрещено... Стараясь уберечь мать от подобной информации – и себя от последствий, разумеется, – Сигюн считала, что совершает благое дело, лишний раз не тревожа мать. В самом деле, раз с ней ничего не случилось, значит, поводов для беспокойства нет.

Сейчас же у неё образовалась тайна. И её не спишешь на детские шалости.

«Надо это прекращать», – думает Сигюн. Поправляет помолвочное кольцо.

И вообще, Фрейр мог бы уже хоть весточку прислать...

– Меня тревожит Сигюн.

– Что с ней? – моментально оборачивается Бальдр, отрываясь от своего занятия – натачивания любимого кинжала.

Нанна присаживается напротив, складывает руки на коленях.

– Пока ничего. Но я не хочу, чтобы она находилась здесь, Бальдр. Мне за неё страшно. Сердце не на месте.

Бог света недовольно качает головой:

– Нанна, мы уже это обсуждали. К чему переливать из пустого в порожнее? Процедура обмена заложниками совершена, и ради нас её никто не отменит и не поменяет.

– Я знаю, – спокойно отвечает жена. – Но, думается мне, есть средство вырвать Сигюн из цепких рук Одина.

– Какое? – хмурится Бальдр. Не по душе ему эта тема, лишний раз подчёркивающая его несостоятельность как главы семейства. Не защитил...

– Выдать её замуж. Она ведь уже помолвлена, не так ли?

– Да, но... свадьба должна быть через год, по обычаю...

– А мы попросим Ньёрда её ускорить! – с нажимом произносит Нанна. – Когда стоит выбор между соблюдением традиций или безопасностью моей дочери – я предпочту их нарушить!..

Бальдр откладывает кинжал и точильный камень в сторону.

– Тебе же не нравился Фрейр, даром что он наш родич и наследник Ванакейского престола!..

Жена поджимает губы.

– Ну... не нравился. Он слишком ветреный и избалованный... Но... царские дети другими не бывают. А ей он нравится. Она сама

его выбрала, – говорит она наконец. – И пусть уж Сигюн лучше будет в родном Ванакхейме с его наследным царевичем, чем в проклятом Асгарде, где я не знаю и спокойной минутки в тревоге за неё!..

– Тише, тише, – успокаивает её Бальдр. – Во дворцах и стены имеют уши.

– У Всеотца, между прочим, двое холостых царевичей, – замечает Нанна. – Как бы не пришло в светлую царскую головушку женить Тора на Сигюн для упрочения мирных позиций!.. Уж лучше Фрейр!..

Бальдр, поднявшись, порывисто обнимает жену.

– Солнышко моё ясное, разумница, – шепчет он. – Мне и в голову не пришло ускорить свадьбу... – Губы его касаются шеи жены, но ванийка выскальзывает из объятий.

– Потому что вы, мужчины, вечно думаете о всякой ерунде, – ворчит она. – Сперва напиши письмо брату и племяннику, потом уже... всё остальное...

– Мой царь, – в ледяном зале голос разносится гулко, и Ингвар старается говорить тише. – Мой царь, я прошу аудиенции. У меня тревожные вести.

Лафей, поднявшись с трона, идёт к стене тронного зала. Нажимает неприметный выступ.

Стены расходятся, образуя проход в узкую каморку. Там нет посторонних глаз и ушей.

– Что случилось, Ингвар? – вопрошает царь Йотунхейма, садясь напротив своего советника.

Тот молчит, будто не зная, с чего начать.

– Йотуны недовольны, мой царь. Говорят, что источник силы Йотунхейма уж некоторое столетие прозябает у асов – а царь не движет и мизинцем, чтобы его вернуть. Говорят, не желают видеть наследником недоросля-полукровка, воспитанного в обычае наших врагов.

С каждым словом советника лицо Лафея каменеет. Будто он не ледяной великан, а горный каменный тролль, какие попадаются ещё в горах Свартальфхейма.

– А ещё говорят, что слишком велика цена за жизнь этого полукровка. Если бы не он – Йотунхейм бы вмешался в войну асов с ванами, и кто знает, как бы тогда запел Одноглазый?..

В руке Лафея появляется ледяной шар, утыканный иглоками. Он швыряет шар в противоположный угол каморки, и Ингвар пригибается – расстояние-то всего ничего, отрикошетит ещё...

У главного советника полно планов, и он совершенно не торопится на свидание с Хель.

– Ты можешь сколько угодно злиться, мой царь, – продолжает он, наблюдая, как шар рассыпается на осколки от мощного удара. – Но ты не сможешь заткнуть рот каждому. Зря ты не нарушил обычай и не женился в четвёртый раз, – тихо добавляет Ингвар.

– Разве не Совет настаивал на сохранности традиций? – мрачно спрашивает царь Йотунхейма.

– Лишь для виду, мой царь, лишь для виду. Возьми ты ещё одну жену – никто бы не возражал. Тем более, если третья оказалась... не совсем привычной к нашим широтам.

– намекаешь, что мой третий брак был ошибкой?..

Глаза Лафея сверкают бешенством, но Ингвар лишь пожимает плечами:

– Я служу моему царю затем, чтобы говорить ему правду, а не приукрашивать действительность.

Царь Йотунхейма кивком отсылает своего советника.

Оставшись один, долго смотрит невидящим взором на ледяные узоры, вспоминая прошлое...

Первая жена, Брита, от Лафея сбежала. Обручили их, не спрашивая мнения ни жениха, ни невесты. Подходящая партия новоиспечённому царю Йотунхеймскому – дочь одного из важных советников.

Исполнив супружеский долг и подарив державе наследника – Хельблинди, Брита без памяти влюбилась в незнатного йотуна и сбежала из дворца, оставив венценосному мужу выцарапанное прямо на полу ледяной – во всех смыслах – спальни послание: «Возвращаю тебе твою свободу. Позаботься о Хельблинди. Прощай».

Лафей вздохнул полной грудью, да не тут-то было.

Совет поднял шумиху: найти беглянку и вернуть в лоно семьи!.. Как посмела оскорбить честь царства, честь мужа – чай, не за холопом каким замужем!.. Позор на все девять миров!..

Не имея ни малейшего желания разжигать огонь там, где его отродясь не было, Лафей быстро и тайно обручился со своей любимой наложницей – Дагни. А в качестве приданого потребовал... принять чужое имя.

А обалдевшему Совету на голубом глазу заявил: да, Брита вернулась. А что подросла на целую ладонь и черты лица заострились – так, скитаючись, голодала, по мужу тосковала, во грехах своих тяжких раскаивалась, вот и похудела да вытянулась. И жена подтвердила: да, раскаялась, осознала и теперь готова всю служить царю и Йотунхейму, искупать прегрешения.

И так резво принялась их искупать, что у Хельблинди в скором времени появился брат. Бюллейст.

Не одно счастливое столетие провела царская семья. Хельблинди поначалу косился на мачеху, но та не делала различий между

пасынком и родным сыном. Не пыталась оспорить права первенца на престол, протолкнуть Бюллейста. Власть её не интересовала.

В один далеко не прекрасный день Лафей, вернувшегося из очередной дипломатической поездки, встречала понурая стража. Царица, тоскуя в разлуке, возжелала проводить время на балконе верхних этажей дворца, вышивая да любуясь на снежные равнины с высоты в ожидании мужа. Да, видать, наклонилась над перилами слишком сильно, те и не выдержали...

Долго горевал Лафей по жене, уже откровенно называя её Дагни – теперь-то что уж... Приблизжённые кивали понятливо и сочувственно: о подменном браке и так каждая собака знала, а нравом Дагни была приветлива; не забыла она о своих корнях, взлетев на вершину.

Однако горюй – не горюй, а не стоит жизнь на месте, пока жив. Вот и царю Йотунхеймскому пришлось с головой в политику окунуться, отодвинув сердечные драмы. Обострились отношения с Золотым Городом – не по нраву пришлось Всеотцу усиление позиций Ледяного царства. Потребовал он убрать крепости Йотунхейма, возведённые было в Мидгарде, в подходящем климате. Лафей не раз ездил в Асгард на поклон к Одину, пытаясь доказать, что сосуществование йотунов с людьми вполне возможно – люди предпочитают более мягкие и тёплые широты, оттого расы редко сталкиваются между собой. Но Всеотец был неумолим, угрожая военной силой в случае отказа.

Раздражённый, Лафей тогда оторвался от свиты и бесцельно бродил по Золотому Городу, стремясь принять верное решение. И в каком-то из переулков встретил её.

Большеглазую, молчаливую, слишком молодую по меркам асов. Лаувейю.

Неодобрительным молчанием встретил Совет заявление царя о третьем – последнем дозволенном – браке. И с кем – с чужачкой, с асиньей!.. Тучи уже сгущались над Асгардом и Йотунхеймом.

И скоро, скоро грянул кровавый дождь.

Лафей держал жену всё больше взаперти. Не со зла – напротив, заботясь о её безопасности. Она же почти не говорила, лишь в редкие их встречи смотрела на него огромными зелёными глазницами.

...Через час после того, как в одночасье постаревшему Лафею сообщили о смерти на поле боя сразу двух сыновей, двух царевичей, запыхавшийся гонец принёс ещё две вести.

Умерла Лаувейя, не перенеся тягот родов. Оставила после себя сына, наследного царевича Йотунхейма. Спасение Ледяного царства от междоусобной распри.

Один получил те же вести от своих воронов. И быстро сообразил, как извлечь из этих вестей наибольшую пользу.

Золотой Чертог бурлит с самого утра. Слуги бегают с озабоченным видом, драя, отмывая, заготовливая еду для завтрашнего пира.

Один Всеотец устраивает пир. Только никто не в курсе, по какому поводу.

Кроме царской фамилии, разумеется.

– Вообще-то, Тор, ты мой должник, – ухмыляется Локи, усаживаясь прямо на постель брата.

Старший бодро соглашается:

– И впрямь, я задолжал тебе пару сотен пинков и тумачков. И никак не меньше пары десятков приветов от Мьёлльнира. Когда займёшься возвратом долга, братишка? – подмигивает он. – У меня как раз сейчас свободное время выдалось.

Локи возводит очи к потолку:

– И это благодарность за все мои старания!.. Дни и ночи не сплю, стараясь облегчить жизнь старшему брату, а в ответ обещают только колотушки...

– Ну, хватит, Локи. – Тор плюхается рядом с братом, и кровать проседает под их весом. – Прощу: обойдись хотя бы завтра без своих трюков. Для нас с Сиф этот день очень важен.

– Тем больше поводов сделать его незабываемым, – невинно улыбаясь, подхватывает бог обмана.

– Там будет царевич Бальдр с семьёй, – с нажимом говорит Тор. – Оставьте ваши склоки хотя бы на один день, иначе, клянусь молотом, я расшвыряю вас как котят по углам!..

Локи клятвенно заверяет, что не коснётся Бальдра и пальцем.

«Правильно. Я не буду с ним сцепляться на помолвке, потому что его там и вовсе не будет».

А вот у его очаровательной дочери не будет причин отказаться от приглашения...

Сигюн находит на столике у зеркала фигурку коня.

Конь золотой, грива и копыта алыми рубинами украшены, глаза – агаты чёрные.

Только отчего-то ног у него восемь.

Ванийка точно помнит, что запирала дверь, уходя. Кто мог войти сюда, пока она была в обеденной зале? Слуги? Но слуги не подбрасывают гостям золотые безделушки.

Разве только по велению господ.

Или точнее – *господина*.

Только одному асу она говорила о своей страсти наездницы.

...Сигюн находит Локи на нижних этажах дворца. Протягивает золотого коня со словами:

– Совсем не осталось чести у того, кто вламывается в чужие покои в отсутствие хозяина, будто вор ночной.

Локи вздёргивает бровь:

– А я думал, вору уносят добро, а не приносят в дар.

– Мне не надобен сей дар, – отвечает дева. – Забери его, бог обмана. И оставь меня.

Отсвет от пламени факелов, развешанных по стенам, пляшет по лицу царевича, добавляя то ли древней мудрости, то ли вечно юного обаяния. Ванийка отводит взгляд, не понимая, отчего становится ей столь тревожно.

Будто перед прыжком в ледяную воду, когда переплетаются страх и предвкушение.

– Дар в обратный дар не приносят, – возражает Локи. Скрестив руки на груди, пристально смотрит на Сигюн.

Та пожимает плечами – и конь со звоном впечатывается в стену.

Из переднего его копыта выпадает рубин и подкатывается под ноги царевичу.

Машинально подобрав камень, Локи какое-то время бездумно подбрасывает его на ладони. Потом, не глядя, забрасывает его в ответвление коридора и, насвистывая, уходит в противоположную сторону.

В покои Фрейи, царевны Ванахеймской, мало кто дерзает заходить столь легко и непринуждённо, как её брат – Фрейр. Он старше лишь на полчаса, но закон неумолим, и обязанности и права наследника – за ним.

– Фрейр! – капризно тянет царевна. – Ты же обещал после обеда... что это? – с живостью перебивает она сама себя, замечая в руках царевича свиток.

Подняв взгляд, замечает, что Фрейра буквально распирает какая-то новость.

– Сестричка!.. Думаю, тебе не слишком придутся по душе мои вести, но я обязан с тобой поделиться.

Богиня красоты возводит глаза к потолку:

– Только не говори, что тебе написала наша кузина.

– Ты почти угадала, – говорит Фрейр, и сестра слышит улыбку в его голосе, не видя лица. – Только не Сигюн, а дядя Бальдр. Он предлагает не выжидать по обычаю года, а сыграть свадьбу, не мешкая.

Брови на прекрасном лице вздёргиваются в удивлении:

– А к чему бы такая спешка?.. И что скажет на это папенька? Он вечно талдычит про необходимость сохранять лицо! – после этих слов одновременно морщатся оба. Ньёрд, овдовев, отчитывал неугомонных близнецов за двоих.

Правда, помогало это не слишком.

– Не поверишь, Фрейя, – отец согласен! Уж не знаю, что ему брат написал, только он, как послание дочёл, объявил, что мы собираемся в Асгард. Ты ведь поедешь с нами, сестра? – Фрейр наклоняется, заглядывая в лицо богини красоты.

Та вздыхает, разглаживая платье на коленях:

– Фрейр, брат... видишь ли... меня не будет на твоей свадьбе.

И частит, предупреждая возражения:

– Мне как раз пора ехать за ожерельем. Я ведь говорила, что братья Брисинги взяли за мой заказ?.. Но, чтобы ожерелье обрело необходимую силу, мне нужно присутствовать при завершении. Магия, дорогой брат. Надеюсь, свадебный наряд на тебе будет смотреться не слишком нелепо. – Чмокнув брата в лоб, Фрейя отворачивается к окну, всем видом давая понять, что разговор окончен.

– Фрейя, это не смешно! – повышает голос царевич. – Сигюн тебе всегда не нравилась, но она нравится *мне*, понимаешь? Мы всегда делили всё на двоих, сестра, и в лучший мой день ты не поделишь мою радость? Променяешь на побрякушки? Да я завалю ими для тебя хоть весь дворец!..

Сестра разворачивается. Их лица, столь похожие друг на друга, теперь на одном уровне.

– Ты прав, – тихо говорит она. – Когда-нибудь нам всё равно придётся вырасти... Оторваться друг от друга. Просто... я не думала, что это так быстро произойдёт.

– Даже и женатый, я ведь буду здесь, сестричка, – хмыкает Фрейр, обнимая сестру. Та обвивает руками его шею, и оба замирают так.

Со стороны вольными показались бы объятия и нежности, которыми обменивались близнецы, давно выйдя из детской счастливой поры. Но не влекло их друг к другу как мужа и жену, хотя никто в Ванахейме не удивился бы и не осудил подобного – родственные связи у ванов считались в порядке вещей. Истинно братская любовь и нежность связывала царевича и царевну Ванахеймских. Видя в лице другого отражение себя, находили они ту же близость и в душах друг друга.

– Ну так сделай милость: поскорее возвращайся, – раздражённо бросает Фрейя, выпутываясь из объятий.

Сватались к Фрейе, пленённые её красотой, не один раз знатные ваны и – ещё до войны – асы. Никому не возжелала она ответить согласием, не желая покидать отцовского дома да разлучаться с братом, что был будто продолжением её самой.

А тот и не оценил её порыва, с лёгкостью выбрав себе невесту. Да ещё ту, что необъяснимо раздражала Фрейю с самого детства...

Глава 4. О волнениях и поцелуях

*Вы столь близки, и это так опасно,
Но разум, верно, утонул в дурной крови.
Вы ненавидите меня так страстно,
В полиаге стоя от любви...*

Канцлер Ги «Вы ненавидите меня...»

Время к обеду, а Бальдр не выходит из своих покоев.

Точнее, не выходит из смежных с ними удобств.

Нанна в десятый, наверное, раз подойдя к запертой двери, легко стучит:

– Бальдр, муж мой! Всё ли с тобой в порядке?

Тишина. Возня. Затем доносится сдавленное:

– Нанна... ох... я в порядке!..

Неясный грохот заставляет ванийку нетерпеливо заколотить в дверь:

– Тогда, может, выйдешь из облюбованного тобой места?!.. Ты не один жаждешь его посетить!..

Вновь тишина. Подавленный было стон звучит в ней особенно громко:

– Дворец... большой...

Поняв намёк и тяжело вздохнув, Нанна уходит на поиски.

Вернувшись, застаёт уже наряженную дочь, недоумевающую, куда делись оба родителя из пустых незапертых покоев.

– Мама!.. – нервно шагает она навстречу вернувшейся Нанне. – Где папа? И почему ты ещё не одета? – с возрастающим удивлением смотрит Сигюн на платье матери, хоть и привычно дорогое, но явно неподходящее для посещения помолвки будущего царя девяти миров.

Стук открывшейся двери заставляет обеих богинь обернуться.

Нанна вскрикивает. Сигюн бледнеет.

Обе они бросаются к богу света. Тот, с трудом сделав пару шагов, прижимает руки к животу и медленно оседает на пол.

– Ну-ка, – лицо Нанны разом перестаёт отображать проступившие было эмоции. С недюжиной силой она поднимает мужа с пола и со слабой его помощью доводит до ложа.

Наклоняется над ним.

Бальдр выглядит отвратительно. Позеленевшее, осунувшееся лицо. Мелко дрожащие губы, как ни пытается он унять дрожь. Испарина на лбу. Мало кто сейчас признал бы в нём Прекраснейшего.

Кроме богинь, наклонившихся в тревоге над ним.

– Что ты ел? – требовательно спрашивает Нанна.

С трудом бог света отвечает:

– Что всегда... завтрак принесли сюда, как ты и хотела. Мы же... вместе ели...

– Что ещё? – настойчиво продолжает жена.

Бальдр морщит лоб:

– Вроде бы всё... А, воды предложила служанка. Я и выпил – больно солёная рыба утром была...

– Пожалуй, и впрямь солоноватая, – соглашается было Нанна. И меняется в лице: – *Служанка?..*

– Думаешь, кто-то осмелился нарушить царский приказ? – спрашивает Бальдр и, морщась, переворачивается со спины набок. Подтягивает колени к груди.

Муж и жена переглядываются. Одна и та же персона мелькает в мыслях обоих.

– Он ведь умеет оборачиваться, – негромко произносит Нанна.

Сигюн резко наклоняется поднять немного сползшее одеяло. Укрывает отца. Бальдр, пытаясь улыбнуться, пожимает ей руку в знак благодарности. Улыбка выходит жалкой, отчего дочь охватывает желание провалиться до самого Хельфхейма.

Ведь это *необязательно* Локи? Ведь доказательств нет? Может быть, это и впрямь была служанка – из личных побуждений или по чьей-нибудь просьбе, мало ли у заложников недоброжелателей...

Но сердце богини верности будто охватывает ледяной ладонью, и она понимает: это он. Обаятельный царевич, что показал ей потрясающие горы Альвхейма, которые теперь сняты ночами. И голос совести тихо, но с ужасающей ясностью говорит, что она забыла о чести и долге, беззаботно проводя время с тем, по чьей милости отец лежит сейчас разбитый.

И неизвестно, что будет с ним дальше.

– Я пошлю за лекарем, – хмурится Нанна. Сигюн перебивает:

– Я схожу!..

Неумолкающий голос совести гонит её сделать что-то полезное. Доказать родителям, а в первую очередь – самой себе, что она всё ещё дочь Бальдра. Ванийка. Часть семьи. Часть народа.

И никакие дурацкие горы это не изменят!..

– Дочь, ты пойдёшь на празднество, – возражает Бальдр, и Сигюн готова застонать: там же будет *он*, чёртов царевич!.. – Нанну я и пинками сейчас не выгоню, – он вновь пытается улыбнуться. На сей раз выходит лучше, но жена лишь сильнее хмурится, подтверждая справедливость его слов. – А тебе нужно идти. Царь Один не простит нам, если мы проигнорируем помолвку его наследного сына в полном составе. Мир ещё так хрупок, не стоит его расшатывать.

Во дворце говорить о тайнах нельзя. Даже запершись в своих покоях. Даже спрятавшись в самую потайную каморку.

Особенно – спрятавшись в потайную каморку.

То ли дело – неторопливо прогуливаясь в чистом поле, где на много миль вокруг – лишь бесконечный снег, и каждого великана видно издали.

Главный советник царя Йотунхеймского прекрасно это знает.

– Я поговорил с Лафеем. Мне даже почти не пришлось врать, – кривится он уголком рта. – Так, слегка сгустил краски...

– И что же он? – вопрошает второй йотун – широкоплечий, с криво сросшимся шрамом через полгруды.

Ингвар пожимает плечами:

– Лафей упёрт, мы все это знаем. Но он привязан к своему асгардскому щенку. Он не согласится на наше предложение.

– Этого стоило ожидать, – пожимает мощными плечами его собеседник.

Советник останавливается. Смотрит в снежную даль, не щуря глаз на яркое северное сияние.

– Значит, «Феху» не задался... Пора переходить к плану «Уруз».

Царь Ванакхеймский восседает на любимом утёсе, что возвышается прямо над морем. Тишина. Лишь редкая чайка пролетит над ленивой гладью, вскрикнув протяжно, да плеснёт волна далеко вниз, у подножия.

Любит Ньёрд свою стихию, будто дитя родное. Да что там – Фрейру и Фрейе не всегда столько его любви доставалось, сколько морю.

Только не так уж часто сидит бог моря на любимом утёсе, наблюдая за вечно меняющимся морем. Дела царства на праздные посиделки времени немного оставляют. А уж война с асами, отнявшая столько сил, унёсшая множество славных сыновей и дочерей Ванакхейма – и подавно...

Оттого и не разглаживается складка на лбу царском, что залегла там ещё во времена Гульвейг. Не может Ньёрд простить Одину перемирия. Не перемирия жаждал он – победы! Чтоб склонился гордый Золотой Город пред Ванакхеймом, признал превосходство его. Ради того и затевалась война. Ради того и посылал Ньёрд тайно в Асгард Золотую Колдунью. Да и то сказать – собственное царство от опасности избавить хотел. Больно велики силы были подвластны Гульвейг. Говорят, та и сейчас бродит по Срединному миру – Мидгарду, распри меж людей вселяет из-за злата своего, а те и рады во имя её друга рубить.

Впрочем, уж если могущественные боги пред Гульвейг не устояли, что взять с них, смертных!..

Там, где лазурь моря с синевой небес смыкается, еле видимым треугольником парус белеет. Кто-то в плаванье пошёл...

Вздыхает Ньёрд. Как бы хотелось ему самому на корабле оказаться!.. Встать на нос, вдохнуть полной грудью солёный ветер. Ощутить под

ногами не всегда ровную скучную землю, а ласково баюкающее море – будто мать младенца на руках качает.

А хоть и осерчает, швырнуть захочет – ему ли бояться стихии родной, коли он её повелитель?..

Да то нескоро ещё будет. На кого Ванакхейм оставлять, в плаванье уходя? Не на Мимира же этого. Голова у него светлая, это верно, да иного бы Один и не стал при себе держать. Да только кто ж в здравом уме заложнику царство доверит!.. На близнецов? Рано им ещё... У Фрейи так и вовсе ветер в голове, одни наряды да камни драгоценные. Мало обычных безделок – так нет, магические подавай!.. Упёрлась: поеду и поеду к цвергам за Брисингаменом!.. Не запирать же взрослую царевну, в самом деле – стыда не оберёшься...

Ладно, хоть старший, Фрейр, за ум взялся. Женится на племяшке, глядишь, и толк будет. Сигюн – девица рассудительная. Не смотри, что хрупкая: силушки в ней и не на такого балбеса, как Фрейр, хватит. Богиня верности, опять же.

Радоваться бы Ньёрду, что женятся его сын да племянница, да не разглаживается его чело. Ехать в Золотой Асгард, Одноглазому на поклон... Стоит лишь подумать об этом, как изумрудное море темнеть начинает, волноваться недобро. Чует стихия настроение своего бога.

Мечется по вздыбившимся волнам белоснежный парусник у горизонта.
– Мой царь!..

Если уж на утёс его кто из слуг дерзнул подняться, значит, что-тостряслось. Ньёрд запрещал тревожить его в редкие минуты любования морем. Разве что в крайнем случае.

– Мой царь, – повторяет пришедший ван, склонив по обычаю голову.
– Посланец из Йотунхейма просит аудиенции...

– Дети мои, – торжественно и немного печально говорит Всеотец, возложив руки на склонённые головы Тора и Сиф. – Дети мои, скоро вам придётся принимать царство и заботу о девяти мирах.

– Мы постараемся не подвести тебя, отец, – говорит Тор, подняв голову. Сиф лишь кивает. Царя Асгарда воинственная дева всё же побаивается, а уж когда замаячила реальная перспектива тому превратиться ещё и в свёкра...

– Я слабею, – всё также печально продолжает Один. – Силы будто утекают из меня – день за днём, год за годом.

Фригг, ожидающая своей очереди благословения, неслышно вздыхает.

– Надеюсь, что клятвы, что дадите вы сегодня при собрании благородных асов, не погаснут и через год, и мы сыграем вашу свадьбу. Я же в свою очередь даю вам своё благословение.

Тихий смешок из угла разрушает идиллию:

– А кому вы этим обязаны?..

– Локи, не порть момент! – шипит Сиф. Тор молча показывает брату кулак. Один делает вид, что не обращает внимания.

Фригт вздыхает вновь, переводя пристальный взгляд на младшего сына. Тот, отвечая обаятельной улыбкой, разводит руки, будто говоря: ну да, я такой, а вы что ждали?..

...Смех и подколки Локи неискренни. Привычны и беззлобны, будто язык гадюки, у которой вырвали ядовитые зубы. Сам же он, паясничая, неотступно наблюдает за Одним.

Ловит каждое слово о слабости, каждый замедленный жест.

Ждёт.

И боится.

На асгардских празднествах Сигюн ещё не доводилось бывать.

В Ванакейме тоже любили погулять – шумно и с размахом. Под открытым небом разводили костры, водили хороводы – и юноши, и девы, и мужи, и древние старухи. Наплясавшись, пили мёд, а после заводили тягучие песни. Сам царь Ньёрд не стеснялся отплясывать в таких хороводах.

Во дворце, конечно, проводились и более официальные церемонии. Но Сигюн они казались скучными, и она обычно норовила уклониться от подобных мероприятий.

Наблюдая за чинной толпой асов в блеске огромного зала, освещённого тысячью свечей, дева чувствует себя как никогда неудобно. Примешивается и тревога за отца, а меж тем ей нужно быть любезной и приветливой. Как хочется домой, в привычный уютный Ванакейм!..

– Эдакая симпатичная дева и скучает на таком славном празднестве!.. – какой-то ас подсаживается к ней, и скамья трещит под его весом. – Непорядок!

– Потанцуем, а? – не унимается ас, заслышав звуки вальса. Под них на середину зала выплывают три пары: царь и царица со знатными гостями; третьей парой выступают свежеиспечённые жених с невестой. Следом подтягиваются и остальные пары. – Негоже такой красивой леди отсиживаться в уголке!..

Ванийка с неслышным вздохом вкладывает ладонь в протянутую руку – огромную, с характерными мозолями от оружия. Сколько раз эти руки вздымали оружие? Сколько жизней отняли?

Сколько среди них было жизней её соплеменников?..

– Меня, кстати, Сверр зовут, – непринуждённо сообщает ас, ловко обхватывая талию Сигюн и унося деву в танец.

– Сигюн, дочь Ба...

– Да знаю я, кто ты, – добродушно перебивает Сверр. – Вас, ванов, сразу видеть!.. А уж про заложников тут каждая собака знает!..

Ванийка про себя проклинает и нескончаемый танец, и словоохотливость Сверра.

Будто в довершение бед, Сверр, сбившись с ритма, наступает парадным сапогом на ногу Сигюн в лёгких бальных туфельках, и та, не выдержав, вскрикивает в голос.

– Ох, извини, царевна ванийская, – говорит ас. – Давай вон на скамейку, отдохни...

– Я не царевна, – поправляет Сигюн. – И не ванийская, а ванахеймская.

– Да какая разница!.. – машет ручищей Сверр. Но, заметив, как морщится дева, переводит тему: – Что, неужто так сильно оттоптал? Я вообще по танцам не очень, вот мечом али топором помахать – это другое дело!..

– А давай разотру? – внезапно предлагает он. И, не дожидаясь согласия, наклоняется к щиколоткам Сигюн.

Та резко вскакивает.

– Не смей!..

– Да я ж аккуратно, – ухмыляется Сверр. – Могу и ещё чего растереть, если попросишь...

Сигюн затравленно оглядывается, но сзади стена, а вокруг асы, не обращающие на неё и Сверра ни малейшего внимания. Закричать? Поднять скандал, испортить помолвку наследного царевича?.. Один обещал им безопасность, но чьему слову скорее поверит он – своего эйнхерия или чужачки-заложницы?..

Уверенный в своей безнаказанности, ас делает было шаг к Сигюн, но отчего-то не может оторвать подошвы от пола.

В следующий миг удивление на его лице сменяется страхом.

– Мой отец, видимо, недостаточно ясно выразился, – скучаяще произносит младший царевич Асгарда. – Сыну его приходится исправлять сей досадный факт. Ничто не должно омрачать помолвку моего брата. Ты предпочитаешь иметь дело со мной, – лениво поворачивает он голову к Сверру, – или с Тором?

Ас, явно не оценив столь щедрый выбор, кажется, готов рухнуть на колени, но лишён такой возможности.

– Я только потанцевать хотел, – бормочет он.

– Вот как? Что ж, танцуй! – небрежным взмахом кисти Локи освобождает Сверра... и тот против воли начинает танцевать. Невзирая на отсутствие музыки и стоящих рядом асов.

И, как ни старается, не может остановиться.

Дурной вопль оглашает зал. Асы переглядываются, качают головами. Сиф закатывает очи к потолку. Тор только тяжело вздыхает. А потом,

пользуясь тем, что внимание всех отвлек несчастный Сверр, притягивает к себе невесту и целует её.

Бедный Сверр меж тем, всё также танцуя и безуспешно пытаясь остановиться, покидает залу. Чтобы замаять досадный инцидент, музыканты по знаку Фригт вновь начинают играть.

Сигюн не то чтобы жалко настырного аса, но она всё же задаёт вопрос:

– Он так и будет танцевать, пока не рухнет замертво?

Локи фыркает:

– Больно надо!.. До утра пропляшет и свалится где-нибудь в хлеву, со свиньями в обнимку. А нечего благородным эйнхериям вести себя как свинья!..

– Я должна поблагодарить? – с заминкой спрашивает ванийка.

Бог обмана кивает.

– Этикет требует того. Но... не обязательно тратить слова.

Сигюн смотрит на протянутую руку царевича. Руку, поддерживала её в невыносимо прекрасных горах. Что одним небрежным взмахом могла обездвижить и обречь на вечный танец. Избавившую её от нелепой и опасной ситуации.

...Руку, поднёсшую её отцу мерзкую отраву.

– Твоё молчание становится неприличным, – тихо говорит Локи, и Сигюн также молча делает шаг вперёд – ему навстречу.

...Вальс в Асгард принёс Тор – из своего любимого Мидгарда. Напел мелодию, показал движения. И понеслось...

Чем-то пришёлся по нраву суровым асам этот романтический танец. Быть может, мимолётностью, присущей смертным и недоступной богам. Быть может, нежностью, которой так часто не хватало в жизни воинственного народа.

Ещё до войны асов с ванами перенял сей обычай и Ванакхейм. Правда, там он не прижился, став лишь частью официальных церемоний. Сигюн, разумеется, обучили вальсу, но она не слишком-то его любила, предпочитая ванакхеймские более быстрые и весёлые танцы.

До сего дня.

Ладонь, лежащая на её талии, кажется, прожигает сквозь слои одежды.

Сигюн пытается рассматривать толпу асов за спиной Локи. Но в область зрения упорно попадает не пёстрая толпа, а зелёно-чёрный рукав камзола. Растрепавшиеся от танца чёрные же кудри. Этот тонкий, невозможно манящий аромат – это же от них? Он что, волосы как дева укладывает? Может, ещё и завивает?..

Однако, что же за чушь лезет ей в голову!..

Разозлившись на саму себя, Сигюн сбивается с ритма и наступает партнёру на ногу.

– Прошу прощения,– говорит она, стараясь справиться с бурей эмоций, полыхающих внутри. Не сейчас. Не здесь. Дочь царевича ванахеймского не может...

– Я не в обиде,– негромко отвечает Локи. Смотрит на неё с непривычной теплотой, улыбаясь уголками рта.

И кружит, кружит деву в отточенном ритме сколь мимолётного, столь же и вечного танца...

И Сигюн забывает, что она дочь царевича ванахеймского. Что она заложница. Что миры их едва закончили долгую войну, а отец её слёг, скорее всего, от рук бога обмана.

Остаются лишь улыбающиеся зелёные глаза напротив. Тембр голоса, что всё ещё звучит в её ушах, перекрывая мелодию вальса. А мелодия, кажется, отдаётся в самое сердце, и манит, и тревожит, будто лёгшая под ноги путника дорога.

И Локи, сам поддавшись очарованию вальса, на мгновение забывает о мести. Будто танцует он с девой просто так, оттого, что приглянулась та ему. А не затем, чтобы подобрать ключи к её сердцу и после швырнуть их, смеясь, в грязную лужу.

Сколько уже длится танец? Пару мгновений? Пару столетий? Вечность?..

– Дальше уже ничего интересного не будет, – говорит Локи, когда музыкальная часть вечера плавно перетекает в застольную. – Теперь благородные асы будут напиваться в честь будущей царицы девяти миров и моего братика, – ухмыляется он. И уже серьёзнее продолжает, обернувшись к Сигюн: – Если ты утолила голод, не советую дольше здесь находиться.

Та кивает.

–Я провожу тебя – добавляет он. Столь уверенно, что Сигюн вновь лишь кивает в ответ.

...Не касаясь друг друга, они идут по освещённому факелами коридору. Молчат. Никому не хочется рушить трепетную атмосферу вечера.

Сигюн кажется, что до её покоев они добираются быстро.

Слишком быстро.

Вот и дверь, осталось взяться за ручку, попрощаться, как велит этикет... Но Сигюн отчего-то медлит.

На рукаве, кажется, вылезла нитка. Непорядок. Некрасиво. Дева принимается наматывать её на палец, то ли желая оторвать, то ли...

Осторожно лёгшая на щёку ладонь заставляет поднять голову. И в дрожь бросает от близости чужого лица. От ласковых манящих глаз. Почти как в танце... только теперь нет яркого света тысячи свечей – лишь чадающий факел на стене.

И нет толпы народа.

А может, Рагнарёк уже наступил, и в девяти мирах не осталось никого, кроме них?..

Сигюн не успевает додумать. Дрожь прошивает вновь – от прикосновения твёрдых губ.

И поцелуй кажется естественным продолжением танца, когда двое, казалось, плыли на волнах мелодии. Когда они забыли – хоть на малое время – что они враги, царевич и заложница едва закончивших вражду царств. Дочь врага, враг отца...

Когда остались лишь бог и богиня.

Двое.

Тело ведёт Сигюн, и она подаётся Локи навстречу, не замечая, как сама в ответ целует его. Сладкая дрожь пробегает по позвоночнику. Колени... откуда такая слабость в них?..

И внезапно до богини верности доходит.

– Аргрх!..

Локи сгибается пополам от неожиданного удара в живот. Лязгнув челюстью, успевает ещё и язык прикусить.

– За фто? – шепеляво спрашивает он – язык прикушен основательно. – Тепе ше понрафилось!..

Это правда, и дева не может этого отрицать. И это безумно злит её.

– Ты... ты... – раскрасневшаяся, с растрепавшейся от танцев и поцелуя причёской, она прекрасна. Даже корчась от боли – впрочем, скорее наигранной – Локи продолжает любоваться ею. – Проклятый бог коварства! Это ты отравил моего отца, ты приносишь всюду только хаос и разрушение!.. Ненавижу тебя, ненавижу всей душой! Не смей ко мне больше даже приближаться!..

Дёрнув за ручку – и не сразу сообразив, в какую сторону та поворачивается – дева влетает в покои, яростно хлопнув дверью.

И лихорадочно подтаскивает к двери стул, туалетный столик и даже – откуда только силы берутся! – кровать.

Не то чтобы она думала, что Локи начнёт к ней ломиться. Если бы он пожелал, его не остановили бы ни двери, ни стены, ни тем более её смешные баррикады – подброшенная ранее статуэтка тому доказательство.

Свалку у двери дева создаёт скорее для себя – чтобы успокоить бешено стучащее сердце.

Или хотя бы списать его ускорение на бурное передвижение мебели.

Усевшись наконец на подтащенный последним сундук, Сигюн осторожно трогает рукой щёку.

Кажется, на ней до сих пор лежит обжигающая ладонь.

– Сигюн... Я хочу тебя поцеловать.

Дева опустила глаза, пряча невольную улыбку. К этому всё и шло, с тех пор как на одном из празднеств двоюродные брат и сестра будто познакомились заново...

– Ты не против? – прошептал Фрейр, подходя ближе, почти вплотную.

– Нет, – тихо ответила Сигюн. Предвкушение чего-то волнующего, неизведанного охватило её. Сколько раз она замирала над книгой на сцене объяснения героев, преодолевших тысячу препятствий, чтобы быть наконец вместе. Воображая, что когда-нибудь этот день наступит и для неё...

И вот он, кажется, наступил.

Они с Фрейром почти одного роста, тот лишь немногим выше. Он встал напротив неё, так, что их носы почти соприкасались, и отчего-то это было смешно. Но Сигюн подавила рвущийся наружу смешок, сейчас неуместный.

Кашлянув, Фрейр чуть наклонил голову влево и накрыл её губы своими.

Странно. Мокро. Желание одно – отодвинуться.

Сигюн подавила и это желание, думая, что, может, волшебная искра проявляется не сразу, ей надо дать хотя бы ещё пару секунд... Вот сейчас... Вот если наклонить самой голову – так, кажется, должно быть удобнее...

Воодушевлённый если не ответом девы, то хотя бы её непровилением, приняв одно за другое, Фрейр решил укрепить позиции. Обведя языком губы Сигюн, скользнул им в едва приоткрытый рот.

Рвотный позыв подкатил к горлу девы. Разорвав поцелуй, она спешно отвернулась, заходясь в нарочитом кашле.

– Сигюн? С тобой всё в порядке?

– Д-да. Извини, – она выпрямилась, непроизвольно отступая на шаг. – Я что-то... Давай потом?

– Конечно, – царевич разочарован, но виду не подал – сказалося царское воспитание.

До дворца они дошли в неловком молчании. Так же неловко расстались.

Ночью ванийка не могла заснуть, вспоминая так чудесно начавшийся вечер, что так позорно смазлся в итоге. Она ворочалась на ставшей слишком жаркой постели, пытаясь понять, что с ней не так.

Никакого трепета, никакой безумной искры. Да что там искры – ей давно так противно не было. С ней что-то не так? Ведь до проклятого поцелуя всё было замечательно, и Фрейр ей нравится...

Спросить у матери Сигюн постеснялась. Да и – не без оснований – опасалась, что та поднимет скандал, ибо к мужнему племяннику

питала не самые тёплые чувства, даром что тот наследный царевич. А с кем-то ещё делиться сердечными тайнами у неё не было желания.

И богиня верности зарылась в книги.

В одной из историй она нашла похожую ситуацию. Деву отдали замуж за нелюбимого мужа, и ласки его поначалу ей также были противны. Но по прошествии времени та привязалась к нему, разглядев в нём доброе сердце, и ласка обрела другое значение.

«А я уже люблю Фрейра, надо только немного потерпеть, – решила Сигюн. – Мы дали друг другу клятвы, значит, всё будет хорошо. Только не сразу. Я ведь богиня верности. Я подожду.»

Глава 5. О чувстве долга и прочих чувствах

– Ах, с вами вижусь я, милорд...

– Затем, что я вам дорог?

– Ах, нет, затем, чтоб вам сказать: нам видется не след.

– Но без меня уже ль ваш день не скучен и не долог?..

– Я не сказала «да», милорд.

– Вы не сказали «нет».

*Дуэт королевы и Бэкингема
из к/ф «Д'Артаньян и три мушкетёра»*

Стук в дверь заставляет Сигюн напрячься. Мало кто наносил ей визит здесь, в Золотом Асгарде, кроме родителей. Но те стучат по-иному.

Кому могла понадобиться заложница?..

– Сигюн! – Фрейр, радостно улыбаясь и распахнув руки для объятий, переступает порог покоев. И оказывается слишком близко к ней, потому что дева даже не пытается отступить, чтобы дать ему возможность спокойно войти.

– Сигюн, дорогая? – ван заглядывает в глаза пребывающей в ступоре деве. – С тобой всё в порядке?..

– Да. Да, конечно! Фрейр, я так рада тебя видеть, наконец-то ты приехал! Я тут уже... – богиня верности замолкает, с ужасом осознавая, что не помнит, сколько находится в Золотом Городе.

Стремясь заглушить растущее смятение, Сигюн делает шаг навстречу жениху.

Крепкие руки обнимают в ответ, прижимают к себе. Но вместо долгожданной радости – глухая тоска, подкатывающая к горлу.

Невидящими глазами Сигюн смотрит за спину Фрейра – и понимает, что больше всего хочет выпутаться из объятий. Те внезапно кажутся клещами.

Она пытается отстраниться, но Фрейр не отпускает. Прижимает к себе крепче, шепчет что-то малопонятное, а потом поворачивает голову и накрывает девичьи губы своими.

Сигюн послушно отвечает. Но коварная память услужливо подбрасывает – празднество, вечер, танец... Поцелуй – на который хотелось отвечать, который хотелось продолжать...

Дева злится на себя за такие мысли. Загоняет их поглубже. И, прильнув к Фрейру всем телом, обвивает его за шею и сама перехватывает инициативу в поцелуе.

– Ммм... – Фрейр явно удивлён и обрадован такой переменной в невесте. Та никогда с такой страстью его не целовала.

Ван бы уже рад вдохнуть воздуха, но дева не отпускает его, целуя рьяно, жадно, пытаясь выбросить, вытравить воспоминания об иных устах. Ядовитых. Порочных. Умелых и нежных...

– Ай!..

Фрейр наконец разрывает поцелуй и отстраняется. Сам.

– Сигюн, я, конечно, рад твоей страсти, но всё же кусаться зачем? Языком он ощупывает нижнюю губу. Солонватый привкус. Кровь...

– Извини, я соскучилась по тебе, Фрейр. Сильно.

Когда она научилась так хорошо врать?..

Нанна, как в детстве, гребнем расчёсывает густые волосы дочери. Отблески свечей золотят упавшие на спину локоны.

– Наконец-то ты выйдешь замуж, дорогая, – умиротворённо говорит мать. – У меня сердце не успокоится, пока ты не вернёшься обратно на родину. Но твой выбор накладывает ответственность большую, чем любая другая партия. Готова ли ты к ней?

– Ты спрашиваешь, готова ли я стать твоей царицей? – с нервным смешком спрашивает Сигюн, и Нанна в ответ легко шлёпает её гребнем:

– До этого ещё далеко!.. Твой дядюшка в расцвете сил и явно нескоро уступит своё место.

– Да я и не тороплюсь, – пожимает плечами дева.

Будучи членом царской фамилии, богиня верности не понаслышке знала, какое бремя представляет собой власть, и не очень-то жаждала её. Но клятвы, которыми они обменялись с Фрейром, включали в себя не только договорённости влюблённых, но и обещание служить Ванакейму, когда придёт их час.

...Отчего-то в последнее время она особенно *не торопится*. И даже знание о скором возвращении домой не радует Сигюн. Хотя, став заложницей, она буквально задыхалась в чопорности Золотого Города. Когда же остались считанные дни до возвращения, Асгард, будто в насмешку, повернулся к ней другой стороной.

Оказывается, есть своя прелесть в его строгой, устремлённой в небо архитектуре. В выверенных, чётких узорах, что встречаются всюду – от росписи стен до вышивки на нарядах. Даже с ухоженным сверх меры садом дева готова примириться...

А может, дело вовсе не в чертогах и садах?..

– Мама... – осторожно начинает Сигюн. – А когда ты выходила замуж за папу, ты... как ты себя чувствовала?

Опустив гребень, Нанна прикрывает глаза. На губах поселяется мечтательная улыбка.

– Я ужасно боялась, что всё пойдёт не так, – отвечает она, и голос её непривычно мягок и расслаблен. – Хотела, чтобы были соблюдены все традиции, и очень боялась что-нибудь забыть или сделать не так. Много позже я поняла, что это не самое главное.

Сигюн хочется горько рассмеяться. Мать переживала об очерёдности шагов в обряде обручения. Счастливая...

Ничего, сразу после свадьбы она уедет обратно в Ванакхейм, в тишину и покой родных лугов, и там забудет и золотые стены Асгарда, и...

Никаких «и». Она дочь второго в царстве лица, а теперь ещё – и будущая царица. Невеста, без пяти минут жена наследного царевича ванакхеймского.

И она не забудет о своём долге.

Ньёрд смотрит на йотуна с некоторым раздражением. И ради *этого* он отрывался от созерцания любимой стихии, возвращался в надоевший дворец?..

– Что ты хочешь, посланец Лафея? – сдержанно спрашивает он. – Мы обсуждали вопрос поставок продовольствия на минувшей луне. Я могу повторить: Ванакхейм истощён после войны с Асгардом, цену мы не снизим.

– Я говорю не от имени царя Лафея, – с достоинством отвечает неизвестный йотун. – Йотунхейм располагает многими силами, не все из них известны в других мирах.

Ньёрду хочется недоверчиво хмыкнуть, но он обуздывает себя. Долгие годы царствования научили рассматривать любую, даже незначительную на первый взгляд возможность.

– Тогда изложи своё дело.

Наклонившись ближе к царю ванакхеймскому, йотун тихо говорит:

– Мой разговор конфиденциального свойства.

Ньёрд жестом отсылает стоящих поодаль слуг. Вопросительно смотрит на великана.

Тот отрицательно качает головой:

– Ещё более конфиденциального.

– Что, прикажешь потратить на тебя локию?

Тот кивает. Нахмурившись, Ньёрд велит принести дорогой артефакт.

Изобретение бога обмана, названное по его имени, позволяло ненадолго скрыться от взгляда Всевидящего Стража. Локии мгновенно приобрели бешеный спрос во всех мирах, кроме Хельфхейма, но Локи никогда не

брал плату банальным золотом. Вступать же в сделку с Обманщиком находилось не так уж много желающих. Самые ушлые маги, правдами и неправдами заполучив оригинал, бросились изготавливать нечто похожее. Но такие артефакты работали через раз, наводнив, однако, магические лавки. Спрос на локии не ослабевал, несмотря на запреты Всеотца, подкреплённые рейдами стражи.

...Раздавив полупрозрачный красноватый кристалл и подождав, пока его вместе с посланцем укутает лёгкий туман, Ньёрд кивком показывает, что можно говорить.

– Досточтимый царь Ньёрд. Моё имя Ингвар, но оно не скажет тебе ничего. Должность же моя – главный советник царя йотунхеймского – обязывает быть в курсе настроений народа. И наш народ не желает видеть своим царём приёмного сына Одина.

Ньёрд откидывается на троне, увитом виноградной лозой. Стебелёк щекочет ему шею, но ван не обращает на это внимания.

– Продолжай, – кивает он.

– Мы знаем о войне Асгарда и Ванахейма. Знаем мы и то, что владыка ванов жаждал бы большего, чем перемирия. – Ингвар замечает, как вновь нахмурился Ньёрд, но продолжает: – Знаем мы и об обмене заложниками, через которых связаны руки для любых действий. Но, думается мне, есть средство, что послужило бы к обоюдному удовольствию, позволив ванам отплатить Одноглазому, а йотунам – избавиться от непотребного царевича. И средство это – заложники.

– Я не собираюсь подвергать опасности своих родичей, – прерывает царь. Но не столь уверенно, как хотелось бы.

Ингвар улыбается:

– И не нужно. Всем известна вражда Локи с твоим братом, царь Ньёрд. Что, если он спровоцирует Локи? При его вспыльчивом характере это нетрудно. Одноглазый будет скомпрометирован, ты сумеешь надавить на него, а народ Йотунхейма в праведном возмущении отвергнет царевича, поднявшего руку на беззащитного заложника!..

Ньёрд задумчиво рассматривает йотуна. Спрашивает:

– Разве в Ледяном царстве не начнётся смута? Мне ведомо, что у Лафея не осталось иных наследников.

Поведя плечами, великан отвечает:

– Народ Йотунхейма, возрадовавшись, что царь-полукровка ему более не грозит, сам изберёт достойного.

Алые глаза Ингвара торжествующе сверкают, не оставляя сомнений, *кто* же окажется достоин ледяного трона.

Летит по синему небу сокол. Разрезают воздух крепкие крылья. Стелется внизу земля с её полями, лесами и морем на окраине Асгарда.

С асами, не подозревающими, что невзрачный сокол наблюдает за ними, разговоры нужные подслушивает да запоминает.

До чего хороша всё же Фрейина накидка!..

Вот уж Чертог Золотой близок. Хотел было Локи по привычке влететь в окно под крышей да там обернуться, от чужих глаз подальше. Да привлекла его внимание пара, в саду на качелях сидящая.

Спустился сокол на дерево, листвою зелёной укрылся, слушает да наблюдает. Царевич ванахейский соловьём заливается, видать, впечатление на невесту произвести хочет. А та и отвечает вроде бойко, да в очах её синих тоска затаилась, ровно змея подколотная.

Усмехается недобро про себя Локи. Сработал план, очарована им девица, хоть и скрывать то пытается – от себя самой в первую очередь. Да только обманывать можно кого угодно, лишь бы не себя. То – последнее дело, запутаешься и пропадёшь, богу обмана ли не знать!..

А Фрейр невесту за плечи приобнимает, на ушко что-то нашёптывает – не слышно соколу с высоты, что именно. И злость берёт на вана. Так бы, кажется, голыми руками и придушил!..

Встряхивает Локи птичьей головой, дивится себе. Несвойственны ему никогда такие желания были, другими методами он действовать привык. Добрая драка – это по части Тора. Не мог же он от него придури нахвататься?..

А ван прощается с Сигюн, руку той на прощание целует. Зовёт проводить, да та отнекивается, ещё в саду погулять хочет, в тени зелёной.

Слетает сокол с дерева, кружит вокруг девы. Та, удивлённая – не замечала за Одином страсти к соколиной охоте, – протягивает руку, и птица моментально усаживается на подставленную ладонь.

Улыбается ванийка. Гладит в задумчивости жёсткие перья на загривке, не боится хищной птицы.

И отшатывается, когда сокола, с руки вспорхнувшего, окутывает зелёное сияние.

– Не знал, что тебе столь по душе животное царство, а то бы уж давно кем обернулся, – заявляет Локи, пряча соколиное оперенье за пазуху.

– Было бы чем хвастаться – краденой накидкой, – отвечает богиня верности. – Ты не только Обманщик, но ещё и вор. А ну отдай то, что принадлежит Фрейе!..

Требовательно протянутая рука. Сверкающие гневом очи. Бог обмана подавляет восхищённый вздох. Бальдр может быть спокоен – красота его будет процветать в веках благодаря дочери.

– Есть преступления и похуже, чем воровство, – возражает царевич. – Например, выходить замуж за того, кто тебе не люб.

Хрупкие плечи едва заметно вздрагивают, и Локи мысленно отмечает, что попал «в яблочко».

– То не должно тебя касаться, – гордо отвечает богиня верности.
– Отдай накидку.

– Не всё так просто, моя очаровательная леди. Я добывал её, с риском пробираясь через посты ваших воинов – так себе дозоры, надо сказать. Но всё же это мой трофей, и просто так я его не отдам.

– Ты требуешь откупа за чужое добро? Воистину, нет в тебе чести.
Хитро улыбаясь, Локи продолжает:

– ...но я согласен отдать накидку всего лишь за один твой поцелуй.

Сердце девы ухает вниз, но ничем не выдаёт она свою слабость.
Твёрдо говорит:

– Ты просишь невыполнимую плату. Я невеста Фрейра, и я верна своей клятве.

– Тогда не видать Фрейе соколиного оперенья, – притворно вздыхает Обманщик, пряча накидку за пазуху. Поднимает взгляд на Сигюн, смотрит ей прямо в очи. – Ты же не любишь Фрейра. Я слышал ваш разговор сегодня. Поверь, влюблённые ведут себя иначе.

– Тебе откуда знать о любви? – всё также твёрдо отвечает дева, но голос её чуть дрожит.

Локи, слыша эту дрожь, внутренне ликует. Она сомневается, она не уверена в своих действиях, какой бы каменной ни казалась... Значит, надо бить сразу и сильно, чтоб сомнения стали ещё больше, поглотили её целиком, не оставив ни шанса.

– От столь близких браков нередко дурные дети, – говорит он наконец, и Сигюн заливается краской. Локи продолжает с великолепной небрежностью: – Если тебе так уж не терпится выйти замуж – могла бы выбрать для этого кого-нибудь другого. Например, меня.

Короткий нервный смешок ему ответом. Сигюн не находит слов против столь наглого заявления.

А царевич, скользя ей за спину, на ушко нашептывает:

– Я ведь нравлюсь тебе, Сигюн. Твой танец, твой поцелуй... Даже то, что сейчас ты стоишь здесь, говорит, что тебе я небезразличен. Ты же запала мне в душу с того мгновения, как увидел я тебя, стоящую перед собранием асов. Так стоит ли идти против зова сердца, моя прекрасная богиня?..

Обволакивает шёпот Обманщика, будто шёлк тончайший – куда там Фрейру...

Разворачивается к нему дева. Потянулся к ней бог обмана за поцелуем было, да так и замер с ртом приоткрытым.

Будто выросла Сигюн. Платье за ней не шлейфом – бурей да грозой стелется. Очи молнии мечут – куда там громовержцу!.. Голос гремит – пол-Асгарда слышит:

– Я Сигюн, дочь Бальдра, богиня верности, будущая царица ванахеймская! Никто не смеет порочить моё светлое имя, имя моей семьи и моего народа! Убирайся вон, Обманщик!..

Взмахнула правой рукой богиня – и отлетел Локи в сторону. В дерево врезался, на клумбу, недавно щедро политую да удобренную, шмякнулся. Сидит в грязи да удобрениях перемазанный, подняться пытается, да больно скользкая земля под ногами.

Сигюн же, походкой царственной к нему подойдя, без стеснения ухватила за торчащий из-за пазухи край оперенья да и вытянула.

– Это со мной побудет, – молвила она на прощание, оставив поражённого царевича сидеть в глупой позе да камзоле измазанном.

У Одина давняя традиция – по вечерам пить подогретое вино. Чашу ему приносят в один и тот же час каждый вечер в покои.

Локи, привычно укрывшись от взгляда Стража, столь же привычно достаёт порцию яда. Отвинчивает крышку.

Вытянутая рука с сосудом, полным отравы, замирает над чашей вина.

День за днём он подливает порцию яда приёмному отцу. И яд начал действовать. Всё чаще он замечает, как Один останавливается передохнуть там, где раньше бы и не помыслил. Отраву действует медленно, подтачивая его изнутри, будто гниль, заведшаяся внутри мощного красавца-дуба. С виду он всё также величав, но, невидимая глазу, гниль захватывает всё большие площади, и, наконец, тот рушится при первой же буре.

...Локи до сих пор не отдаёт себе отчёта в том, почему травит приёмного отца. Он знает, что трон Асгарда должен будет занять Тор, и не планирует захват власти. Ему вообще не очень-то интересна власть. Понимая, что лучше быть царевичем, чем свинопасом, Локи с удовольствием пользовался благами своего положения. Но власть сама по себе не влекла его, также, как не влекло и золото – оттого и Гульвейг когда-то не сумела его подчинить. Будучи царевичем, бог обмана купался в роскоши и внимании, не желая увеличивать объём ни первого, ни второго.

Отчего же прозрачные капли раз за разом срываются в питье царя асгардского – из *его* рук?..

Локи знает, что Одина не так-то просто убить. Долгое время употребления яда, которые иного отправили бы к Хель в считанные минуты, принесли Всеотцу лишь лёгкую слабость. Оттого Локи и не воспринимал попытки отравления серьёзной попыткой убийства. Будто ежевечерний ритуал был частью балаганного представления, которые он так любил – смотреть и устраивать.

Теперь же, когда Один стал всерьёз сдавать, каждый вечер над чашей даётся Локи всё сложнее. Поступок его уже не списать на злую

шалость, на испытание прочности. С каждой каплей яда он отдаляется от Асгарда. Предаёт его царя.

Убивает приёмного отца.

Познакомившись с родным отцом, Локи, как бы ни злился на Лафея, всё же проникся к нему сыновними чувствами. Слишком печальным и гордым был владыка Йотунхейма, не единожды потерявший семью. Обычай запрещал обзаводиться женой и детьми – законными – в четвёртый раз, да Лафей и не жаждал, привязавшись к сыну, нёсшему в себе черты последней его любимой женщины.

Видя Локи раз в году всего трое суток, Лафей пытался было держать маску сурового владыки Ледяного царства, но хватало его ненадолго. Он старался за короткий срок как можно большему научить сына, показать ему особенные места своего мира, рассказать об обычаях. Посидеть вдвоём в малом ледяном зале, любимом своём месте, рассказывая истории и легенды Йотунхейма да слушая в ответ рассказы сына о жизни в Золотом Городе.

Царь Йотунхейма был непримирим по отношению к Асгарду и его царю. И сознание, что последний оставшийся в живых сын, наследник ледяного трона, живёт в их мире, по их обычаям и называет отнявшего у Лафея всё отцом – не раз становилось поводом для ссор.

Не желая тратить и без того краткое отпущенное время на разборки, Локи, сделавшись богом обмана, стал практиковаться в сем искусстве, убеждая отца в своей ненависти к асам и приёмной семье. Через некоторое время Лафей ему поверил.

И стал предлагать отомстить Одину, убив его – желательно вместе с остальной семьёй. А после под шумок выкрасть Ледяной ларец.

Услышав это впервые, Локи с трудом удалось не выдать своих чувств. Представить, что он лишится Фригг и Тора, а тем более – собственной рукой уьёт их, он не мог и в жутчайшем кошмаре.

А вот Один...

Один выкрал его младенцем из родного мира, сделав заложником, распорядившись его будущим – и настоящим. Один рассказал ему о том, что он приёмши в семье – а мало кому по нраву те, кто приносят дурные вести. Один отправил его в Йотунхейм, ограничив пребывание там тремя днями и ни мгновением дольше. Когда Локи намеренно проигнорировал сигнал цепочки о том, что время истекло (та слегка нагревалась), он едва сумел открыть портал в Асгард и вывалиться в него – цепь принялась методично сжиматься, лишая его воздуха.

Он тогда устроил Всеотцу знатный скандал, обвиняя во всех грехах. Манеры были забыты: обернувшись йотуном и плюясь вперемешку льдом и пламенем во все стороны, Локи орал на Одина, высказывая всё накопившееся за совместно прожитые годы. Всеотец, обладая

крутым и горячим нравом, который смягчить удавалось лишь Фригг, и то не всегда, в долгу не остался. Послушать и посмотреть на перебранку царя и царевича сбежался весь Золотой Чертог. Правда, держаться слушатели старались на почтительном расстоянии – попасть под горячую руку двух взбешённых богов желающих не было.

После этой размолвки у Локи закрутились первые сомнения, что приёмная семья была бы куда веселее без своего главы. И последующие слова Лафея о мести и возвращении Йотунхейму былого величия падали уже на вспаханную почву.

Долго ещё сомнения эти оставались лишь сомнениями, брошенными в запале словами отрока, поссорившегося с родителями. Но время шло, и двуединая природа Локи тянула его в разные стороны – к двум семьям, к двум мирам. Как неприкаянный, носился он меж двумя царствами, ни в одном не находя надолго покоя. Терзаясь, стал он проклинать Одина уже и за то, что тот позволил ему узнать родину и Лафея. Мнилось ему, что жить асом и не знать правды было бы проще...

И в один далеко не прекрасный вечер, когда царевич вернулся после очередной вылазки в Йотунхейм, первые капли яда упали в питьё Одина.

...Стряхнув воспоминания, Локи обнаруживает себя с застывшей рукой, крепко сжимающей склянку с ядом. Казалось бы, чуть накрени её – и капли прольются; будучи бесцветными, смешаются с вином, превращая то в отраву.

Отчего же он медлит? Отчего будто дрожит рука, привычная и к оружию, и к магическим пассам?..

Его действия всё больше походят на убийство – и убийство подлое. Но не это тревожит Локи – он бог коварства, и он знает, что в открытом бою Одина не победить.

Теперь он всё чаще задумывается о том, как отреагируют Тор и Фригг на смерть Всеотца. Не то чтобы он раньше не осознавал, что потеря отца и мужа станет для них тяжкой утратой. Но видения рыдающей Фригг и бледного, потрясающего молотом Тора заставляют дрогнуть руку, не ведающую сомнений.

Особенно в случае, буде обладатель молота прознает, кто виновен в смерти Одина... Локи не уверен, что всего колдовского искусства ему хватит тогда, чтобы укрыться от разъярённого брата.

Но не только лишь страх заставляет его медлить.

Один всегда называл его сыном. Порой столь подчёркнуто, что это неимоверно раздражало. Не переваривая пафос и самолюбование – в других, Локи порой бесился с этой его привычки, едко высмеивая её. Но и сам он не мог перестать называть Одина отцом – даже после знакомства с Лафеем.

Всеотец более любил родного сына, и Локи по здравом рассуждении не мог его за это винить. Но не мог он и обвинить его в ущемлении собственных прав – Один воспитывал обоих сыновей как наследных царевичей. Бог обмана не мог не понимать, что победитель мог запросто отдать младенца-заложника семье распоследнего свинопаса, где не видать бы ему было ни образования, ни магии с воинским искусством, ни прочих привилегий.

На вопрос подросткового Локи: «Почему ты усыновил меня, а не отдал любой асгардской семье на воспитание?» Один ответил просто:

– Я полюбил тебя с той минуты, как взял на руки среди льдов Йотунхейма. И понял, что ты будешь моим сыном.

В устах скупого на признания Всеотца эти слова поразили царевича до глубины души. И, хотя после он не раз колко их высмеивал – «ты сына посадил на цепь, будто собаку дворовую!..» – перестать считать Одина отцом Локи не мог.

...Быть может, ещё не поздно всё остановить? Прямо сейчас – завинтить склянку с ядом, выбросить её в Бездну, подлить – чего добру пропадать! – кому-нибудь из советников?.. Если перестать подливать отраву, Один оправится быстро.

Что на это скажет Лафей? Он уже не верит ему – *богу обмана*. Локи и сам не знает, может ли он доверять сам себе.

Он ни в чём не уверен.

Лицо Одина вновь возникает у царевича перед глазами – уставшее, будто принявшее на себя всю скорбь девяти миров. А следом проступает другое: синее, гордое и озлобленное. На Асгард. На Одина. На него, Локи, медлящего с расправой.

Чей он сын? Как ему в итоге действовать, в чьих интересах?.. Он бы рад ответить «в собственных», но не знает, кто ему более интересен – Один или Лафей.

А кто он сам? Бог огня? Ледяной великан? Полукровка, чужой и нежеланный всюду, будто незванный гость?..

Рука, застывшая на весу над чашей, начинает ныть от напряжённой позы.

И, когда бог обмана уже готов завинтить злосчастную склянку, оконная рама сбоку от него хлопает от порыва ветра. Локи вздрагивает от неожиданного звука, и склянка в руке, качнувшись, роняет яд в вино.

Холод охватывает было бога обмана, но лишь на малое мгновение. Почти сразу приходит злорадство – так тебе и надо!.. – и облегчение.

Больше не надо делать выбор, метаться и колебаться. Судьба решила за него.

Так тому и быть.

Один, откинувшись, сидит на своём ложе, готовясь ко сну. Вот только вина на ночь принесут...

Слуга приносит вечернюю чашу, осторожно вручает её царю, и, поклонившись, уходит.

Оставшись в одиночестве, царь Асгарда с безучастным выражением поводит носом над чашей. И, горько усмехнувшись, швыряет её в стену.

Отблеск свечей, что стоят у изголовья, мерцает на стекающем вине. Будто алая кровь с жертвенника льётся...

Тихий скрип двери заставляет Всеотца обернуться. На пороге стоит Фригг.

– Опять? – печально спрашивает она, замечая натёкшую лужу.

– Разумеется! – сварливо отвечает Один. – Ты всё ещё ждёшь, что он одумается? Пора признать, что мы пригрели на груди змеёныша, – с горечью добавляет он.

Вздохнув, царица пересекает покои и присаживается рядом с мужем. Плечи её никнут. Клонится вниз всегда горделиво повернутая голова.

– Может, Локи ещё одумается... – тихо произносит Фригг.

Один не даёт ей договорить:

– Уж который год я это слышу от моей сердобольной царицы!.. Только что-то не видно следов раскаяния в мерзавце, что кусает руку, кормящую его. А мне, признаться, уже поднадоел этот балаган с притворной слабостью. Мне хочется отойти от дел спокойно...

Царица асгардская не отвечает. Уже и ей всё сложнее верить в приёмного сына...

Только вдвоём они и знают о том, что Локи пытается травить Одина.

...Обнаружив яд в чаше впервые, Всеотец мысленно перебрал в уме пару сотен возможных врагов, жаждущих его смерти. На следующий вечер, когда история повторилась, количество сперва увеличилось до трёх сотен, а после резко сократилось до полусотни.

Один взялся выяснять, чьих рук это дело, самолично, не доверяя столь тонкое дело прислуге. Воспользовался отводом глаз, коим владел в совершенстве. И, простояв незамеченным едва ли не на расстоянии руки от приёмного сына, подливавшего что-то в его расписную чашу, едва удержался, чтобы не испепелить того Гунгниром на месте.

Но – не захотел лишаться возможности поддеть Фригг, уделявшую неоправданно много, на его взгляд, внимания младшему. И та попросила подождать, веря в то, что Локи передумает. А после Всеотец и сам вошёл во вкус, подыгрывая сыну и мастерски изображая растущие день ото дня слабость и усталость.

Что, конечно, не отменяло горечи царя и царицы от каждой новой чаши с отравой.

– У меня такое предчувствие, что скоро всё должно разрешиться, – говорит Фригг, и Один вздыхает: с предчувствиями царицы спорить – себе дороже. – Будто собираются облака в тучи, темнеют, набухают – и всё никак не прольются дождём. Но дождь вот-вот хлынет, и блеск молний осветит тьму.

– Хорошо бы, коли так, – приглаживает бороду Всеотец. – А то уж очень хочется мне нашего громовержца просветить, как его обожаемый брат развлекается... Молнии с громами тогда детской забавой покажутся!

Грустная улыбка трогает губы Фригг:

– Пожалуй, более изощрённое наказание для Локи и впрямь выдумать сложно...

Глава 6. О кражах и обманах

*С Вами странно и мучительно-легко –
Разум тёмный, а сердце в вихре ветра
Закружилось и разбило лёд оков;
Я не знаю, как быть – и нет ответа...*

Канцлер Ги «Романс Олафа Кальдмеера»

Поблёскивает горн кузнечный. Поблёскивают глаза братьев Брисингов, что дивятся на красоту Прекраснейшей из богинь.

– Можем мы ожерелье изготовить по слову твоему, царевна ванахеймская, – молвит наконец старший, Двалин. – Да только и плата за него должна быть царской.

– Иначе магия не подействует, коли поскупиться решишь, – поддакивает второй, Альфригг. Переступает с ноги на ногу, на Фрейины прелести любуясь да предвкушая, как та «расплачиваться» будет.

– Я не поскуплюсь на плату, – отвечает Фрейя. – Золота, серебра, камней драгоценных, какие только вам по сердцу – хоть телегу пришлю, полную доверху! Только изготовьте мне ожерелье такое, чтоб всякий, взглянув на него, тотчас моими чарами околдован становился.

Улыбается коротко Двалин:

– К чему тебе ожерелье такое, царевна? Ты и без того прелестнее солнца и луны. Звёздам ночным не сравниться с сиянием твоих глаз.

– Нужно мне!.. – топает ножкой Фрейя. – Не ваше дело рассуждать, для чего оно понадобилось. Изготовьте его, и я щедро награжу вас. Казна моего отца хоть и поредела в войну, да войною же и приумножилась.

Склоняет набок голову Грер, третий брат, оглянувшись на старшего:

– Не возьмём мы платой ни камней драгоценных, ни золота краденного. У нас этого добра у самих хватает. Мы хотим настоящую плату. *Живую*. Иначе магия не сработает.

Фрейя недоумевает:

– Жертву, что ли, надо принести? Велю заколоть хоть быка доброго, хоть стадо целое!..

Усмехается старший цверг уже в открытую:

– К чему нам кровавые жертвы? Мы ведь не боги высокородные – тёмный, подземный народец. Хотим мы, чтоб спустилась к нам сама луна во плоти да светом своим обогрела.

Берлинг, четвёртый, меж тем шагает вперёд, подхватывает ловко руку Фрейи и губами к ней прижимается. Да не отпускает – каждый пальчик холёный выцеловывает.

Гневом полыхнули очи Фрейи. Дёрнула она было руку, да хватка у цверга крепкая.

– Четыре дня нам надобны, чтобы ожерелье такое создать. Четыре ночи в уплату проведи с нами, царевна Фрейя – по одной с каждым. Чем жарче любовь твоя будет, тем больше силы ожерелье возымеет, – говорит Берлинг, с неохотой руку богини красоты отпуская.

– Да как смеете вы предлагать мне подобное!.. – задыхается Фрейя. Отступает от братьев на шаг, спиной в стену упирается.

– Мы никого не держим, – разводит руками Двалин. – Ты сама пришла к нам с заказом – мы выставили цену. Не нравится – ворочайся к себе или ищи других мастеров. Только лучше нас умельцев во всём Свартальфхейме не сыщешь. Сыновья Ивальди, что хвастаться умением своим горазды, – дети малые пред нами.

Смотрит Фрейя исподлобья на цвергов. Низенькие, приземистые, но крепкие. Одна хватка Берлинга чего стоит! Может, не так и противно с ними ложе делить?..

А братья расступились, проход открыли – иди, мол, царевна, не принуждаем.

Вздыхает тяжело царевна ванахеймская, руки белые к груди прижимает. Тербит привычно половинку амулета разрубленного, что носит, не снимаючи. Кивает:

– Хорошо. Я согласна. Но! – взмахом руки останавливает оживившихся было цвергов, – работа вперёд. В руках поддержку, в силе удостоверюсь, тогда плата будет. Колесница моя всё одно распряжена, кошки на воле гуляют. Бежать мне некуда от вас.

Опускает очи Фрейя, ресницами взмахивает, густыми да длинными. Не царевна гордая – нежнейшая дева, весной на бережок вышедшая в ожидании суженого.

– Быть по сему, – изрекает наконец Двалин. И, не удержавшись, бормочет под нос: – Разве можно луну в оправу заключить?..

Раскинувшись вольно на своём ложе, младший царевич Асгарда бездумно подкидывает вверх стакан – и ловит его. То левой рукой, то правой. Ни разу ещё не промахнулся.

Так он обычно делает, задумавшись. Отвлекается тело на несложные движения, позволяя мыслям блуждать, выстраивая хитросплетения замыслов.

Предмет дум Локи очарователен. И то уже странно – редко он *задумывался* о девах.

Дочь же врага его, сама о том не ведая, заставляет возвращаться к себе мысленно – вновь и вновь.

Красивая. Гордая. Сильная. Борющаяся с его обманным очарованием – немногие в девяти мирах могли таким мужеством похвастаться. Не будь она дочерью Бальдра, Локи бы сказал, что очарован ею.

Но он не может испытывать к отродью врага ничего.

Кроме желанья.

Отрицать это глупо. Бог обмана согласен обманывать кого угодно, но не себя. Оттого он признаёт: Сигюн желанна ему. Что делает мечь лишь слаще.

...Стараниями ванийки оказавшись на клумбе, в грязи и удобрениях, Локи, не ожидавший такого отпора, признал в Сигюн достойного противника. И следом признал очевидное: то, что поначалу казалось лишь приятным дополнением к мести, превратилось в личную цель.

«Книги. Одиночество. Шумные праздники и фейерверки. Горы. Лошадей», – вспоминает царевич ответ Сигюн о том, что она любит. Хмыкает: кто бы мог подумать, что ванийка назовёт то, что по душе ему самому...

Если не брать в расчёт розыгрыши и трюки, разумеется.

Локи не особо жаловал и лошадей, предпочитая Фенрира. Бродя как-то по Железному Лесу, вызволил того, тогда ещё волчонка, из капкана, забрал к себе и вырастил. Первое время наводил дикий ужас на добропорядочных асов, гарцуя на скалящем зубы огромном волке. Сам царевич в ответ лишь ухмылялся, заявив, что Фенрир без его приказа никого не тронет, а буде всякие идиоты вроде Тюра совать ему руки в пасть – сами виноваты. Кто только такого балбеса на должность военачальника принять умудрился, Всеотец, ты часом не знаешь?..

И следом другая фраза Всеотца вспоминается царевичу: «Не найдёте себе невест – сам вас женю».

Бог обмана ловит подброшенный в который уже раз стакан – и замирает так, с вытянутой рукой. Тору он обеспечил невесту. Точнее, обеспечивал-то он себе царицу Девятимирья, на которую можно и надавить, если знать, как и куда. Локи знал, потому не озвученный выбор брата его вполне устраивал, отчего он и озаботился сделать его явным.

Но он совершенно забыл о себе.

Конечно, Один мог и не дотянуть обещанный срок, что развязало бы царевичу руки полностью, в том числе и с женитьбой. Но, страшись того, что делал, Локи старался даже в мыслях не упоминать скорую смерть Всеотца. Будто думы его могли ускорить её быстрее, чем отравы.

А что, если...

Стакан отлетает в сторону. Шальные огоньки загораются в зелёных очах.

Сигюн жаждет выйти замуж за Фрейра? Что ж, она выйдет замуж. За Фрейра.

Только вот мужем её будет тот, кто выведет её утром за руку из брачных покоев.

И это будет не Фрейр.

Бог обмана пружинисто вскакивает с ложа. Улыбается, предвкушая гнев Сигюн. Бессильную ярость Бальдра. Удивление – Одина, Ньёрда, Фрейра...

Уж он об этом позаботится.

– Брат! Как я рад тебя видеть!.. – «живым и невредимым» не прозвучало, повиснув в воздухе между братьями.

– Твоими молитвами, дорогой братец, – улыбается Бальдр, хлопая в ответ Ньёрда по плечу.

– Кажется мне, или это балкон? – указывает царь ванахеймский на украшенную затейливой резьбой дверь. – Поговорить бы... с глазу на глаз.

Бальдр, кивнув, отворяет дверь, привычно пропуская старшего вперёд. Привычно отмечает доверие царя – ни к кому более Ньёрд не поворачивался спиной.

– Прелестный вид, – отмечает бог моря, слегка опираясь на резные перила. – Как тебе Золотой Город?

– Прекрасно! – громко говорит Бальдр. – Гостеприимство Одина Всеотца поистине царское, хозяев Золотого Чертога не в чем упрекнуть. Мои жена и дочь довольны не менее.

Ньёрд морщится. Приперев покрепче дверь, достаёт из-за пазухи красноватый кристалл.

Бальдр в лёгком удивлении вздёргивает брови.

– Так всё же: как тебе Асгард, братец? – без прежней улыбки спрашивает Ньёрд, когда белёсый туман укутывает их обоих.

Темнеет лицо Прекраснейшего.

– Как и всякому заложнику, – сухо отвечает он. – То невыносимо для мужчины: улыбаться и расточать любезности тому, кому был бы рад вцепиться в глотку.

– Это ты случаем не о Локи? – вопрошает царь Ванахейма. Бальдр кривит губы:

– Он подозрительно притих. За всё время лишь один раз... напомнил о себе. Да пару раз мы словами схлестнулись во время трапезы. Он явно готовит какую-то каверзу, Ньёрд. Я не верю в его добрые намерения.

– Как раз об этом я и хотел с тобой потолковать, – подхватывает Ньёрд. – Некая сторона заинтересована в том, чтобы родной сын Лафея никогда не занял ледяной трон. И, зная о вашей взаимной непримиримости, сторона эта предлагает решить наши проблемы. Твою проблему зовут Локи, мою – Один.

– Мне... нужно будет побыть приманкой? – медленно спрашивает Бальдр.

Ньёрд кивает:

– Верно мыслишь, брат. Ты же помнишь эти смешные легенды смертных про омелу? – Короткий смешок. – Чушь полная, но мидгардцы в неё верят. Отчего бы не освежить эту легенду в головах благородных асов? Локи не сумеет пройти мимо, поверь.

Бальдр хмурится. Разыгрывать собственную смерть – не самое приятное занятие, даже знай ты, что всё это не всерьёз.

– Падай! Падай, Бальдр, ты убит!.. – Побег молодой омелы упёрся мальчишке в грудь, и тот, закатив глаза, осел в заботливо приготовленную кучу осенних листьев. Раскинул руки и ноги, будто изломанная кукла.

– Бальдр убит, Бальдр убит!.. – прыгал вокруг него старший брат, то и дело проверяя ногой «убитого». – Бальдр отправился в Хельфхейм и не вернётся, не вернётся никогда-а-а!..

Особенно сильный пинок заставил «покойника» приоткрыть глаза и, резко дёрнув за ногу, опрокинуть брата, подмявая его под себя.

– Всё, ты теперь тоже пленник Хель, – заявил он. – И я тоже не буду по тебе плакать и забирать тебя отсюда!.. Вот тебе Фимбулвинтер, вот тебе Рагнарёк!..

И принялся засовывать сопротивлявшегося Ньёрда в кучу листьев.

– Так что ты ответишь, брат? – царь ванахеймский выдёргивает Бальдра из воспоминаний.

– Это небыстрое дело, – заявляет бог света. – Легенда основательно подзабыта, нужно будет время, чтобы её вспомнили.

Ньёрд улыбается уголками губ:

– Мы никуда не торопимся.

– Что ж, если это избавит миры от присутствия бога обмана... – Заметив, что туман локии почти рассеялся, Бальдр быстро говорит: – Я согласен, брат. Действуй. Нужно же достойно отблагодарить царя Одина за его гостеприимство...

Оба асгардских царевича поднимаются по винтовой лестнице, ведущей в кабинет Одина.

– Что могло понадобиться отцу, не знаешь? – спрашивает Тор.

Локи, встревоженный внезапным вызовом куда более брата, беспечно пожимает плечами:

– Думаю, решил припрячь нас к государственным делам, как обычно.

– Обычно он предупреждает... – недоумённо пожимает могучими плечами старший.

– А когда ты станешь царём, тебя тоже предупреждать будут, если что-то стрясётся? – перебивает бог обмана. Сам он лихорадочно продумывает пути отступления: накидки Фрейи больше нет (чёртова девчонка!..), иллюзии в присутствии Всеотца не работают... Впрочем, даже вздумай Всеотец запереть его в темнице, он выкрутится. Трикстер он или где?

Локи успокаивает себя тем, что, прознай таки Один про отраву, посылал бы за ним не мальчишку-слугу, а отряд эйнхериев. А может, и самолично бы явился, с него и ослабевшего это станется...

– Сыновья, – выдыхает Один, протягивая к ним руки.

Царь Асгарда сидит на полу, прислонясь к ножке стола. Дыхание его тяжёлое и прерывистое, взгляд единственного глаза будто подёрнут пеленой.

Оба царевича бросаются к нему, чудом не сталкиваясь в узком кабинете.

– Отец! Что с тобой?..

– Лекаря! – рявкает за дверь Локи, когда они вдвоём с братом поднимают Одина и усаживают в кресло.

– Не надо... лекаря, – говорит Один, отдышавшись. – Просто посидите со мной, сыновья, – продолжает он уже более ровным голосом.

Тор, накрывая руку Всеотца своей, встревоженно говорит:

– Отец, с тобой творится что-то неладное. Уж не околдовал ли тебя кто?..

Локи сохраняет на лице приличествующее случаю выражение. Только от слов Тора будто ледяная ладонь охватывает его сердце.

А более – от клонящегося вперёд Одина, несмотря на поддерживающих с двух сторон сыновей.

– Кто околдует Хранителя девяти миров, бога мудрости!.. – надтреснутым, но полным гордости голосом произносит тот. Бог обмана еле удерживается от того, чтобы не хмыкнуть. – Никому сие не по силам...

И, противореча сам себе, говорит:

– Помогите мне дойти до моих покоев.

Слабое, трясущееся тело. «Никто не околдует...»

Локи прячет злорадную усмешку. И давит, давит, загоняет на самое дно – сочувствие к этому самонадеянному усталому богу, называющему себя его отцом.

...Вечером царевич выливает в чашу Одина лишь половину порции яда. Тот должен посмотреть на представление, которое бог обмана намерен устроить.

Так убеждает себя Локи, не желая смотреть в лицо той тоске, что охватывает его при виде столь явно ослабевшего Одина.

– Добро пожаловать в Асгард, царевич Фрейр. – Тор протягивает вану руку для приветствия. Тот, помедлив, всё же пожимает её.

Громовержец не пытается произвести впечатление – рукопожатие его свободно, даже слегка расслабленно. Фрейр, которому доводилось сталкиваться с ним на поле боя, помнит силу и мощь Тора.

Так странно *здороваться* с тем, кто чуть было не убил тебя... Фрейра спасла тогда сушая мелочь: Тор запнулся о выпавший из руки ванахеймского царевича щит, и эта доля промедления позволила откатиться в сторону. А там уже и воины набежали, прикрывая царевича.

Раненая тогда левая рука теперь отдаёт в непогоду, несмотря на все усилия ванахеймских целителей. Фрейя говорила, что у неё начала болеть правая рука – там же, где был ранен брат...

– Тор Одинсон, – кивает наконец Фрейр в знак учтивости. Он ещё не определился, как относиться к бывшему противнику, с которым теперь мир.

Тор же как ни в чём не бывало говорит:

– Говорят, завтра ты женишься. Поздравляю. Невесту твою видел. Ликом прекрасна, только грустна больно.

– На чужбине птица не поёт, – отвечает Фрейр. И следом торопливо добавляет, будто стремясь загладить нелестное сравнение: – Надеюсь лицезреть сына Одина на сем празднестве.

Ас улыбается:

– Непременно буду. И да положит тот праздник начало единству наших миров, как то было ранее. Мне бы не хотелось воевать с тобой вновь, сын Ньёрда, – добавляет Тор, глядя в узкое лицо Фрейра.

– Тебя, Тор Могучий, и впрямь лучше иметь в друзьях, чем во врагах, – молвит тот, привычно поправляя разрубленную половинку амулета на шее. Ту, что не снимал ни в сражении, ни в купальнях.

Тор, заметив движение, спрашивает:

– Невестин подарок?

– Сестры, – Фрейр улыбается. Впервые за весь довольно напряжённый – для него – разговор.

– Невеста-сестра, – с осуждением констатирует Тор. – Экие у вас всё же нравы!..

Ван, не отпуская амулета, поправляет:

– Сигюн кузина мне. А это родной сестры подарок. Как бы ни раскидала судьба нас, посмотрю – и о ней тотчас вспомню.

Мелькает бордовый расколотый камень в проворных пальцах.

– Мы с Фрейей утробу одну делили – и пред Хель когда-нибудь вместе предстанем.

Фрейр и сам не знает, зачем говорит это чужаку. Только тепло в груди разливается, и половинка амулета под пальцами нагревается будто.

Асградский царевич только головой качает:

– Не понять нам братской любви ванов...

Вход в сокровищницу подпирают два безмолвных стража с отрешёнными лицами. Нести охрану здесь – наискучнейшее занятие. Кто в здравом уме покусится на сокровища Хозяина девяти миров?.. Кому настолько недорого жизнь?

Противное жужжание нарушает привычную тишину.

– Только мух тут и не хватало! – возмущается стражник, отмахиваясь от досадного насекомого.

– Да ладно, откуда им тут взяться... С устатку ещё и не то пригрезится, – добродушно возражает второй.

– Ай! – вскрикивает он следом. Муха, пробравшись в щель меж шлемом и доспехами, больно кусает. – Вот же пакость!..

– А я говорил тебе... – начинает было его напарник.

Воспользовавшись препирательством стражей, муха меж тем вползает в узкую щель меж дверью и полом.

Зелёная вспышка. И вот уже невысокий йотун стоит пред возвышением, на котором покоится Ледяной ларец.

«Ты не только Обманщик, но ещё и вор», – всплывает в памяти. Локи равнодушно, будто отвечая невидимому собеседнику, пожимает плечами. То его природа.

Его стихия.

Ледяной ларец завораживает. Так бы и смотрел на переливы линий в глубине. Те мерцают, колеблются, бьются, будто живые. Чует ларец близость родной крови.

Царской крови.

Лёд не холодит, напротив – будто обжигает. Будто огонь по венам разливается, яркий да сильный. Знакомо то чувство Локи, да странно огненную магию испытывать в йотунском обличии.

Страшно.

Только стихии ли страшат царевича двух миров?..

Ас? Йотун? Бог огня? Бог... льда? Кто он?

Вор и Обманщик?..

Или берущий то, что ему принадлежит – по праву рождения?

Чудятся алые всполохи в синеве ларца – то очи отца родного.
Чудится стон тихий – то зов отца приёмного...

«Локи!..» И нежные руки обнимают, прижимают к груди, укрывая от зла девяти миров. И так спокойно спится после...

«Локи!..» И он летит навзничь вновь и вновь, но вновь – в который уж раз – пытается подняться. И протянутая рука – как знак уважения. Дружбы. Братства.

Хватит! Он сделал выбор. Играть лучше с запасным тузом в рукаве.

Йотун вытягивает вперёд руку, открывая магический карман. Подделка ничем на взгляд неотличима от настоящего ларца. Только нет в ней той завораживающей глубины, что поёт, манит своего царевича – к себе, в себя, за собой...

Поменять ларцы местами – дело двух секунд. Отправить настоящий ларец в магический карман – двух минут.

И вот уже вновь докучливое жужжание отвлекает стражей сокровищницы.

Девичник близится к концу. Уж и песни спели, и хороводы по ванахеймскому обычаю провели. И в бане невесту распарили да отмыли так, что она еле на ногах держится.

– Поддадим жару будущей царице!.. – кричали служанки, нахлёстывая вениками Сигюн. Да так резво, что вконец она уж и пощады запросила.

Вот сидит она, укутанная в халат тёплый да мягкий, чай потягивает ароматный. Не тот, что в Ванахейме пьют, но всё одно – духмяный, будто по лугу на коне несёшься летним днём... Тело млеет, распаренное да маслами ароматными растёртое.

Только душе покоя нет.

Ночь минует, и будет свадьба. С любимым мужчиной, что сама выбрала. С царевичем наследным. Что ещё пожелать может дева для счастья?

Не зелёных ведь очей, глубоких да бездонных, будто омуты отравленные?..

Не солнца же, всходящего над горами ранним утром?..

Не крепких рук, что придерживали над пропастью, не давая упасть, да в танце вели – будто не по паркету кружа, а по самому небу?..

Смотрит в темнеющее небо Сигюн. Никуда теперь не деться от воспоминаний, душу скручивающих. Не надо было и близко подходить к Обманщику. Говорил ведь отец о нём – не раз и не два. Весь он – обман да погибель, отравка да полынь-трава сорная, даром что царевич двух миров...

Шум за спиной заставляет ванийку оглянуться. А после, посветлев лицом, отставить кружку с недопитым чаем и рвануться навстречу высокому вану, что замаячил на пороге.

– Форсети!..

Утыкается носом в грудь, вдыхает запах знакомый. Будто время вспять повернулось – и нет ни войны, ни разлуки с женившимся братом, ни статуса заложницы, ни...

– Сестрёнка! Как же я соскучился!.. – Форсети стискивает её в объятьях. Подхватывает на руки и кружит, будто она всё ещё маленькая девочка.

– Слышал я, ты замуж собралась, – отпустив Сигюн, говорит ван. – Пришлось ускорить процесс в Альвхейме, еле уложился. Сестра единственная свадьбу играет, да не за абы кем, а кузеном царственным – неужто думаешь, я мог пропустить такое? – шутливо грозит он ей пальцем.

Та улыбается – почти столь же беззаботно, как и раньше.

Почти.

– Я рада тебе, Форсети. Хоть одно родное лицо... – улыбка становится жалкой.

Ван встревоженно наклоняется к сестре:

– Обидел кто? Сигюн?..

«Я сама себя обидела», – хочет ответить та. Но не брату, которого давно не видела, рассказывать о своём позоре.

О своей глупости.

– Мне бы домой, брат... – голос дрожит, и крупная горячая слеза падает на ворот мягкого халата.

Глава 7. О свадьбах и брачной ночи

*Кровь моя смеётся долгу вопреки,
Разум птицей в клетке мечется тревожно.
Знали мы, что Юг и Север не свести,
Но Излом не знает слов «нельзя» и «можно».*

Канцлер Ги «Романс Олафа Кальдмеера»

Младший царевич Асгарда задумчиво выстукивает ритм костяшками пальцев по широкому подоконнику. Пьянящее солнце в зените, пряный аромат из сада льётся прямо в окно, но он не обращает внимания на красоты природы.

Локи обдумывает свой план.

Есть тысяча возможностей устранить кого бы то ни было откуда угодно. Вопрос, какой ход будет наилучшим...

Вариант окончательного устранения Локи даже не рассматривал. Мало того, что он не собирался настолько осложнять отношения между двумя мирами, так он вовсе и не жаждал торговать смертью направо и

налево, как порой сочиняли о нём легенды – и в каком-нибудь Мидгарде, и в родном – неродном – Асгарде. В самом деле, лишь ограниченная фантазия и недостаток остроумия заставляет решать все проблемы топором! На отсутствие ни первого, ни второго бог обмана не жаловался.

Локи начинает сосредоточенно вспоминать всё, что он знает об истории Ванахейма вообще и царской семьи в частности. Никогда не знаешь, какая именно зацепка подтолкнёт в нужное русло.

Перебирая разносторонние сведения, бог обмана то и дело качает головой: не то... опять не то... не подходит... забавно, но неприменимо к делу...

Пока одна сцена не возникает в его памяти...

В ванахеймском саду нет беседок. Не любят ваны лишних крыши над головой. Зато много в нём укромных закутков, таких, чтоб и небо над головой синеть продолжало, и от нескромных взглядов чужих кусты да деревья укрывали.

Но не от взгляда бога обмана.

Хмыкнул тихонько Локи. Есть вкус у Фрейра, ничего не скажешь. Симпатичная ваничка. И страстная, похоже...

Хотел уже было пройти мимо – что он там не видел, в самом-то деле – как, заслышав шаги да голос приближающийся, обратно в тень отступил. Всегда любопытно понаблюдать за жителями иных царств.

Особенно за реакцией будущего царя соседнего мира.

– Мой царевич! Ну где же вы?

Скирнир, слуга Фрейра, с обескураженным видом прошёл мимо густых кустов, за которыми затаились любовники. Локи почти услышал, как Фрейр накрыл ладонью страстный рот служанки, призывая к тишине. Бог обмана даже посочувствовал ему: дела царства, они такие, и из нежных объятий выдернут...

– Царевна Фрейя мне голову открутит, – сокрушённо вздохнул слуга.

И Локи с изумлением увидел, как раздвинулись недвижные до того кусты. Фрейр, на ходу поправляя одежду, спросил Скирнира:

– Тебя прислала сестра моя? Что случилось?

– Мой царевич! – посветлел лицом тот. – Царевна Фрейя не пожелала сказать, зачем вы ей понадобились. Приказ звучал так: разыщи царевича и поскорее пошли его ко мне.

Невольно оглянувшись на кусты, где недовольная служанка тоже приводила себя в порядок, царевич машинально поправил разрубленную половинку амулета на груди.

– Где Фрейя? – беспокоенно спросил он. И, получив ответ, спешно пошёл в направлении дворца.

Солнце ещё не взошло, а Фрейр уже на ногах.

Ранний подъём ему привычен – царское воспитание не способствует долгой неге. Но сегодня он поднялся даже ранее обычного, когда совсем темно ещё кругом.

Сегодня его свадьба. Новая веха в жизни. «Обязанности пред семьёй – репетиция обязанностей царя», – так учил его отец.

Хорошо, что жена с детства знакома, с семьёй его крепко связана. Никаких новых обычаев не принесёт с собой, непотребным чем не огоршит. Опять же, красота такая из семьи царской не уйдёт никуда. Дочь Бальдра Прекраснейшего... Но Прекраснейшей всё же Фрейю прозвали...

Мрачнеет царевич при воспоминании о сестре. Будто бы всего ничего не виделись, а уж тоскливо. Привык он видеть в чертах её своё отражение, лишь чуть более утончённое, по-женски смягчённое. Привык слышать и в речах схожесть со своими думами. Не всегда, конечно, идиллия у близнецов царила: и повздорить могли. Только долго злиться друг на друга не получалось – боль мешала. Будто не другого ты в сердцах обругал, а самоё себя. Оттого мирились брат с сестрой чаще, чем спорили.

Могла всё же Фрейя на свадьбе его появиться!.. Обижен Фрейр крепко тем отказом.

Ну да с родной сестрицей он после поговорит. Другая сестра должна во внимании его теперь быть. Двоюродная.

Невеста.

Уезжал Фрейр из Ванахейма ни много ни мало – на четверть века. Война с асами, налаживание едва не рухнувших было отношений с Альвхеймом отняли много сил.

Вернулся наконец. Не сразу родину признал. Истоцился всегда обильный Ванахейм за время войны. Усталость на лицах. Иссохшая земля – некому её приласкать да возделать, только кровь горячая знай на неё льётся. Не слышно песен весёлых, не видно хороводов задорных. Всяк сидит, в дому своём закрывшись, с соседом бесед добрых не ведёт, на асов проклятых зуб точит, убытки подсчитывает да потери оплакивает.

Не стерпел Фрейр такого. Едва с отцом поздоровавшись да рассказав о делах, велел он пир устроить, богатый да изобильный, ровно в былые времена. Созвать велел народ – и старых, и малых, и – особенно – воинов. С Асгардом как раз передышка в военных действиях была: никто без продыху не воюет.

Ньёрд воспротивился: какой пир в разгар войны, когда асы проклятые вот уж где сидят, не до того!.. Да и на что? – казна опустела...

Фрейр, не будь дурак, в последнее не поверил, насел на отца. Но Ньёрд и тогда отказался тратиться, заявив, что вот-де станет Фрейр царём, тогда пусть транжирством занимается сколько

душеньке угодно, а пока он не даст сокровища свои, трудом тяжким добытые, разбазаривать.

Поговорил Фрейр с сестрой. Неохотно, но поддержала Фрейя брата, поделилась и своей долей. В основном царевич своей мошной тряс, конечно. По вхождении близнецов в возраст Ньёрд каждому свою долю из сокровищницы отсыпал в личное пользование – чтобы у него не просили ничего, своей головой думать учились да добром распорядиться.

...Поначалу ваны хмуρο восприняли известие о пире. Мол, война на дворе, а щегол-царевич ишь чего удумал!.. Но бог плодородия носился по празднику с огнём в очах, подбадривая заскучавших, лично, из рук своих поднося чарку самым угрюмым. За ним и царевна пошла, в белых рученьках виноград спелый неся да оделяя тех, кто на пути попадался.

И оттаяли сердца ванов. Отогрелись, озябшие. Вспомнили они пляски весёлые да хороводы шумные.

Пуще всех веселился сам Фрейр. Радовался возвращению домой. Радовался, что сумел растормошить народ. Лелеял надежду, что, воспрянув духом, и вовсе сумеют ваны одолеть Асгард да покончить с войной изматывающей.

...И на месте застыл, увидев лихо отплясывавшую в кругу молодых ваниек деву. Юбки её так и ходили ходуном, не поспевая за ногами. Вся она была – будто свеча зажжённая.

Пролилось вино из чаши на камзол парадный. Не заметил то Фрейр. Едва ли рот не раззявил, на плясунью любуясь.

– Что так привлекло тебя, брат мой? – родная ладонь мягко легла на плечо.

– Фрейя... кто это?

Ткнула удивлённо брата под рёбра царевна ванахеймская:

– Очнись, брат! То кузина наша, Сигюн, дяди Бальдра дочь! Неужели не признал?..

– Мой царевич! – тяжело дыша, выдыхает запыхавшийся ван. – Мой царевич, наконец-то я вас нашёл в этом проклятушем дворце!.. Понаделают переходов...

– Тише, Скирнир! – властно перебивает Фрейр. – Мы в гостях, изволь отзываться о хозяевах почтительно!.. С чем ты пришёл? – уже мягче спрашивает он.

– Царевна Фрейя велела передать... Просила, очень срочно...

Слуга достаёт из-за пазухи слегка замусоленный конверт с печатью царской семьи Ванахейма.

Пожав плечами, царевич неторопливо разворачивает конверт. Что, сестричка, решила извиниться? А может... может, всё же передумала и извещает о том, что приедет? Чтобы ждали-встречали?..

На смятом посере́дке листке одно-единственное слово: «помоги». Ни подписи, ни даты.

С бьющимся сердцем Фрейр вертит в руках листок и так, и эдак. Что это? Подделка? Но кому нужно так шутить?

Кому нужно – да он находится в Асгарде, с которым только-только заключили мир, и едва ли искренний! Да каждый первый здесь спит и видит, как бы ванам свинью подложить!.. Что, если это ловушка?

А что, если в ловушку попала Фрейя?..

«Я поеду за ожерельем...» Кто знает, как при её вспыльчивом нраве обернулось это путешествие? Братья Брисинги, говорят, своё дело знают, но и упорства им не занимать. Известно, цверги – если что втемяшилось в голову, так и топором не вышибешь. Мало ли как могли они отреагировать на царевну, привыкшую покорять всех своей красотой и – Фрейр старался себе не врать – положением?

Что же делать? Кинуться к отцу? Ньёрд поднимет на уши весь Золотой Город, Свартальфхейм и Ванахейм вместе взятые. И, если – он надеется! – с Фрейей окажется всё в порядке, она не простит ему, что он раструбил на три мира об её ожерелье. Богиня красоты ревностно относилась к своей внешности, желая усилить собственные чары – но так, чтобы об этом прознали не сразу. А лучше – не знали вовсе. Мало ли чем там цверги похваляются!..

И свадьба сегодня. Как же всё не вовремя!.. Сигюн... Рассказать ей, разбудить? «Прости, дорогая, в день свадьбы я срочно должен отлучиться?» Фрейр даже головой затряс, представив себя в этой нелепой роли – и представив ответ невесты.

– Мой царевич? – осторожно спрашивает Скирнир. – Я могу вам чем-то помочь?..

Будто очнувшись, Фрейр переводит на него взгляд. И принимает решение. Суматошное. Недостойное царевича и почти-мужа, на чьих плечах лежит бремя ответственности.

Но он не может иначе.

– Да. Передай моему отцу, что я появлюсь к началу церемонии. До того пусть меня не ищут – и не тревожатся обо мне.

Бракосочетание начнётся в три часа пополудни. Он должен успеть. А если с Фрейей всё в порядке, он и подавно вернётся раньше. Никто и не заметит его отсутствия в свадебной суматохе.

Фрейр, сунувшись в отведённые ему покои, достаёт припрятанный меч. И, закинув его за плечо, быстрым шагом покидает Золотой Чертог.

Слуга провожает его с подобострастной улыбкой. Оглядывается – нет ли кого?

Ни души.

Зелёное сияние на мгновение озаряет коридор. И вот уже царевич ванахеймский неторопливо прогуливается по Золотому Чертогу в ожидании невесты.

Лёгкое потрескивание тысячи свечей. Золото. Много золота. Полно, да покидала ли Гульвейг пределы Асгарда?

И лица, лица, лица...

– Я, Фрейр, сын Ньёрда... Клянусь... пока смерть не разлучит...

– Я, Сигюн, дочь Бальдра... Клянусь... пока смерть не разлучит...

Как тяжело даются эти, казалось бы, желанные слова!.. Конечно же, это всё потому, что зал полон толпы асов. И смотрят они, как брачуются чужие царевич с царевной, к тому же брат и сестра, хоть и не кровные. То асам дико, чужды им столь близкие браки. Запрещены.

Но какие изыски не примешь ради поддержания мира, с таким трудом давшегося!..

Сам Тор опускает на колени Сигюн грозный свой молот. Не только разрушать призван Мьёлльнир.

– Теперь жених может поцеловать невесту, – возглашает Один, стоящий позади новобрачных. По праву старшего и в знак уважения к соседям взялся он сам за церемонию. Сказал встревоженному Тору, что полегчало ему.

Сигюн поворачивается к Фрейру, но очей не поднимает, будто примерная невеста. Лишь от себя самой не скрыть правды: не опусти она глаз, так и будет раз за разом оглядывать собравшихся – не взметнутся ли где кудри чёрные волной?.. Золотых да белокурых полно, русые попадают. Вон, кажется... Не то. Опять не то...

Домой, домой, в Ванахейм! Скорее бы...

Чуткие пальцы на подбородок ложатся, приподнимают осторожно. Ожидаемый жест, только отчего дрожь прошивает?..

– Сигюн, – негромкий голос заставляет вспомнить, кто она – и где.

Короткий поцелуй. Она не успевает даже толком расчувствовать знакомые губы, как жених отстраняется.

Кажется, это заметила не только она.

– Что ж так некрепко невесту целуешь, друг Фрейр, – хохотнув, восклицает Тор. – Не время скромничать!..

Улыбается тот уголками губ, заявляет самодовольно:

– Не по сердцу мне пред всеми любовь свою выставлять. Вопросы-ка лучше завтра утром мою невесту, на что способен царевич ванахеймский!..

Дивится ванийка: что это с кузеном случилось? Не помнит она, чтобы стеснялся Фрейр: это ей приходилось в узде его держать да в рамках приличия, особенно когда родители её про любовь их узнали и надобность в скрытности отпала.

Ньёрда же, видно, то не удивляет. Подойдя к сыну, хлопает он того по плечу. Сигюн же руку целует. Правую, с кольцом обручальным.

После подходят Бальдр с Нанной. Форсети обнимает сестру, жмёт руку Фрейру. А следом поднимается со своего места сам царь Асгарда. Неспешной, чеканной походкой движется к молодым.

...Слово Одина, как обычно, велеречивое, затягивается. Жених принимается было ёрзать, но не пытается лишний раз поцеловать невесту под шумок.

Вновь Сигюн удивлена: не похоже то на Фрейра. Может, так свадьба на него действует? А может, перед празднеством принял чего?.. Впрочем, она бы и сама не отказалась от успокаивающего снадобья.

Локи по-прежнему нигде не видно. Даже поздравить её не пожелал...

Сигюн нащупывает ладонь жениха и сжимает, безмолвно умоляя спасти её. От толпы асов. От золотого блеска. От несмолкающей горечи.

От себя самой.

Да ведь не зря говорят смертные: от себя не убежишь...

Захлопывается со стуком дверь в брачные покои. Наконец-то оставили молодых наедине. Широкое ложе призывно усыпано лепестками роз, укрыто покрывалом тончайшим. Опять же, Тор в покои первым заскочил, молот свой под ложем оставил – как залог успешного да плодородного брака. Сигюн подмигнул, Фрейру пожелал не скромничать, да и ушёл восвосяси.

Две витые свечи стоят в изголовье. В неровном их свете мерцают капли воды на лепестках – насыпали едва ли четверть часа назад, роса не успела обсохнуть... Прикован взгляд Сигюн к мерцающим тем каплям, смотрит она на них, будто заворожённая. Шагнуть к жениху никак не может.

А тот будто и не торопится, на ложе опускается неспешно – как есть, в наряде брачном, разукрашенном. Разоблачаться не спешит.

– Фрейр... – богиня верности не узнаёт свой голос: приглушённый, будто сорванный.

Не отзывается тот, будто и впрямь помучить её решил. Ну за что ей это? На церемонии не поцеловал толком, и сейчас будто ждёт чего. Скорей бы уже всё началось да следом и кончилось!

Глухое раздражение охватывает Сигюн. За служаночками смазливими, поди, знал, как ухлёстывать, а с женой молодой – язык отнялся? Или что другое?..

Решив не тратить слов, ванийка заводит руки за спину. Нащупав мелкие тугие застёжки, с трудом расстёгивает первую. Затем вторую...

– Какое нетерпение, – насмешливый голос будто стегает по успевшей обнажиться спине. Сигюн замирает с заведёнными за спину руками. – По обычаю жених в первый раз раздевает невесту. Но, так и

быть, я согласен простить тебе это маленькое отступление от правил. Зрелище весьма увлекательное.

Вывернутые под неестественным углом руки начинают ныть, и Сигюн опускает их, тут же подхватывая готовое рухнуть без поддержки платье. Она не верит своим ушам, но сил повернуться отчего-то нет.

– Что же ты остановилась, дорогая? Тебе помочь?

После этих слов богиня верности наконец-то разворачивается.

Синекожий йотун расслабленно восседает на ложе. Нога закинута на ногу.

...Она не видела бога обмана в этой ипостаси. Но узнала сразу. Знакомые черты проступают сквозь синеву кожи, сквозь вязь узоров на ней. И невозможно не узнать усмешку – на пол-лица, донельзя довольную.

Усмешку победителя.

– Ты... – только и может вымолвить Сигюн.

Йотун легко поднимается, разводя руки в стороны.

– Подумал, жене стоит знать о втором обличии мужа, – Локи поворачивается во все стороны, демонстрируя себя во всей красе.

– Проклятый Обманщик...

Сигюн наконец выходит из ступора.

– Что ты наделал, чёртов трикстер! Хочешь сказать, я теперь до скончания веков в твоей власти?! Думаешь, царь Ньёрд это потерпит?! Думаешь, мой отец с этим смирится?!..

Локи склоняет голову набок.

– Родственники... С ними иногда так сложно, – доверительно сообщает он. – Я так тебя понимаю...

Сигюн же не до шуток. Где-то на доньшке она чувствует облегчение от того, что муж её не Фрейр. И, стремясь заглушить это облегчение, считая его недостойным богини верности, яростно кричит:

– Я не за тебя выходила замуж!..

– А за кого? – с лица бога обмана спадает показушное благодушие. – Это брачные покои, милая, сюда проводили жениха и невесту. Тот, кто утром выйдет отсюда, и будет считаться твоим мужем.

Бросившись к двери, Сигюн принимается колотить по ней. Дёргает за ручку. Кричит.

– Бесполезно, – спокойно констатирует Локи. – На двери мои чары, её не открыть. А твои крики работают лишь на мою репутацию, милая. – Ухмылка на пол-лица не оставляет сомнений, о какой репутации речь.

Сигюн замолкает. Отступив от двери, прислоняется к стене.

– Зачем это всё, Локи? – тихо спрашивает она.

Тот пожимает плечами:

– Я так решил.

– Он так решил, – холодно повторяет ванийка. И вновь повышает голос, не желая сдерживаться: – А ваше царское высочество не слышало о том, что принято интересоваться мнением девы, прежде чем тащить её под венец?!.. Ещё и в чужой личине!..

Локи, предварительно стряхнув лепестки на пол, вновь непринуждённо усаживается на ложе – на сей раз подогнув под себя колени. Спокойно отвечает:

– А я спрашивал твоё мнение. – И, глядя в расширившиеся глаза, безмолвно вопрошающие: «когда?!», продолжает: – Я делал тебе предложение, забыла?

Сигюн не сразу понимает, что речь идёт о том нелепом разговоре в саду.

– Я дала тебе чёткий ответ: «нет!»

Локи оживляется с ехидной улыбочкой:

– Ты не сказала «о нет, Локи, ты мне противен, я никогда не выйду за тебя». Твои слова... и действия, – он хмыкает, – более походили на вызов, чем на отказ. И я его принял.

Сигюн не сразу находит слова, чтобы ответить на это в высшей степени наглое заявление.

– Хочешь сказать, теперь я должна... делить с тобой ложе? Ну же, Обманщик, ты добился, чего хотел, бери своё!.. – выплёвывает она. – Только сделай одолжение – поторопись! И оставь, наконец, меня в покое!..

Будто вниз ухаёт сердце девы после этих слов. Что греха таить – и без одежды представал в её мыслях царевич двух миров, хоть и отгоняла она те мысли столь же яростно, сколь и безуспешно.

Но не признаваться же в этом? Слышанное ли дело – жениться обманом, под чужой личиной! Неужели... настолько запала в душу ему?.. Любой деве приятно, когда её добиваются. Но не таким же наглым, бесцеремонным, совершенно нечестным образом!..

Комкает ванийка ткань платья, на груди сбитого, крепче сжимает, чтоб не рухнуло то к ногам. Не доставит она такой радости наглецу по доброй воле. А он, голову склонив, смотрит на неё, алыми глазищами сверкает. Кожа синяя, холодная с виду, а чудится – жаром веет от стройного гибкого тела...

Что же ты за погибель, Обманщик?..

Кожа Локи светлеет. Магией он вновь облачается в привычный глухой камзол.

– Поторопись, значит. Не терпится?.. – жарким шёпотом выдыхает он уже в обличии аса над самым ухом Сигюн, взметая дыханием волоски, выпавшие из сложной праздничной причёски. Обойдя деву кругом, медленно обводит кончиками пальцев контур лица. Столь же

невесомо ведёт ладонью по спине – по гладкой девичьей коже, там, где расстёгнуто платье.

Ах, что за нежная кожа под руками!.. Так и манит – увести ладонь ниже, за призывный изгиб поясницы. Отбросить ненужную ткань – с неё, с себя. Увлечь на ложе – бережно, медленно, настойчиво; нависнуть сверху...

Под нежной кожей – напряжённые мышцы. Поникие, будто закаменевшие, плечи. Сведённые упрямо – губы, челюсти... И – взгляд.

Так смотрит затравленный охотниками зверь...

Изящные пальцы замирают на девичьей пояснице. Задержавшись с мгновение, покидают её.

– Не-е-ет, – вновь выдыхает бог обмана. – Я не насильник. Я не трону тебя – сейчас.

Наклоняется, мазнув по лицу девы кудрями, и продолжает шептать-обволакивать:

– Ты будешь желать меня. На коленях умолять, чтобы я коснулся тебя, поцеловал, приласкал. Чтобы взял тебя, не щадя, как последнюю трактирную девку. Лишь тогда я разделю с тобой ложе, Сигюн, жена моя.

Богиня верности с силой отталкивает его, со всем юным пылом восклицая:

– В таком случае тебе придётся ждать вечность!.. Кстати, – запоздало спрашивает она о том, что следовало бы выяснить с самого начала, – где настоящий Фрейр? Что ты сделал с моим кузеном?!..

Локи усмехается, но глаза его серьёзны:

– О, всего лишь кузен... Хорошенькое прозвание для жениха!.. За него не волнуйся – Фрейр совершает небольшое путешествие. И нет, не в гости к Хель, – добавляет он, предвосхищая следующий закономерный вопрос. Ухмыляется: – К другой богине.

Ноги да язык вынесли Фрейра к пещере братьев Брисингов. Разбегались цверги, завидев статного воина с добрым мечом за плечами. Но всё же вызнал он дорогу к дому мастеров.

– Фрейя!..

Мечется голос под высокими сводами, мрачными да тёмными. Запалил царевич факел, смело внутрь ступил. Дрожь пробрала привыкшего к открытым просторам вана, но не отступил он.

– Фрейя!.. – громче прежнего окликает он, так, что уж и стены дрожать начинают.

– Чего орёшь в чужом доме? – негромко отвечают ему. – Похоронить нас тут решил, что ли?

Двалин, старший из Брисингов, хмуро взирает на чужака.

– Чего надобно? – столь же нелюбезно вопрошает он.

Хотел было Фрейр вскипеть да урок преподать, как к царской особой обращаться следует. Но сдержал он себя: он в гостях, без свиты, его дело – о сестре узнать, а не к обращению вязаться.

– Фрейя мне нужна, царевна ванахеймская.

– Здесь твоя царевна, – кивает на неприметный проход цверг.

– Фрейр! – выскакивает на шум и сама богиня красоты. – Я рада тебя видеть, но... что ты здесь делаешь? Разве не к свадьбе ты готовиться должен?..

Двалин, глядячи на близнецов, под нос что-то проворчал, да и ушёл куда-то по своим делам.

Фрейр на сестру смотрит, полным дураком себя ощущает.

– Ты же мне письмо прислала. С просьбой о помощи, – говорит он уже не столь уверенно, видя, что Фрейя цветёт даже в этих мрачных стенах.

Как и всегда.

– Я ничего не присылала, – пожимает плечами царевна ванахеймская. И, оборвав речь на полуслове, вглядывается в брата, от осознания собственной глупости готового провалиться сквозь каменный пол.

– Фрейр... ты ведь сегодня женишься, – тихо выдыхает Фрейя, медленно идя к брату. – И ты сбежал с собственной свадьбы мне на помощь, получив всего лишь какое-то невразумительное послание?..

– Ну, да, – как-то разом растеряв всё красноречие, пожимает плечами тот.

И забывает, как дышать.

В очах Фрейи стоят слёзы. Будто в первый раз он взглянул в её лицо. Будто себя в первый раз увидел.

Настоящего.

Не успел царевич ванахеймский сказать ничего. Горячие, солёные губы его губ коснулись.

...Сигюн отворачивается, когда Локи, не стесняясь, начинает разоблачаться ко сну.

– Ты нашла что-то очень интересное в углу? Может, поделишься наблюдениями? – окликает он богиню верности.

С внутренней дрожью она оборачивается, не зная сама, что ожидала увидеть. Вновь йотуна в одной набедренной повязке, а может, и без оной? Обнажённого ли аса, который вот-вот на неё набросится, как дикий зверь, вопреки своим обещаниям?..

Ничего страшного не предстаёт её взору. Локи в нижней рубаше и штанах возлежит поперёк широкого ложа, закинув руки за голову. Одежда его белеет в полумраке, и это отчего-то тревожит. Сигюн казалось, что Локи носит только чёрное. В крайнем случае – зелёное.

Она подавляет раздражённый вздох. Спать и впрямь хочется – свадьба, утомительные речи, а тут ещё и жених... с сюрпризом... Но не с ним же ложиться рядом, в самом-то деле!

– Можешь лечь на коврике у порога, – насмешливый голос бога обмана словно озвучивает её мысли. – Если так меня боишься.

В последней фразе Локи горечь. Но Сигюн решает не поддаваться на провокации. Он чёртов трикстер, он бог обмана, соблазливший, по слухам, пол-Асгарда. Может, он уже начал и её добиваться? Не бывать этому!.. Она ещё не совсем забыла о гордости.

– И лягу, – с вызовом отвечает дева, подхватывая с пола шкуру.

Ташит её, правда, не к двери, а к окну. Окидывает взглядом задвижки: заперто. Локи и здесь поработал.

Расстелив шкуру, Сигюн – как была в свадебном платье – укладывается на ней, свернувшись калачиком.

Первым порывом Локи становится, поднявшись, подхватить глупую ванийку и на руках донести до ложа. Правда, он не уверен, что после этого не произойдёт то, из-за чего она так от него шарахается. А добавлять поводов для ненависти к себе он не хочет.

Поэтому он ограничивается саркастическим:

– Если ты думаешь, что для меня представляет интерес кидаться на глупую девчонку, ты ошибаешься.

– Кто тогда тебя просил на мне жениться? – мгновенно ощетиливается Сигюн, но, слава Всеотцу, поднимается с дурацкой шкуры.

– А меня не надо просить. Я сам делаю то, что считаю нужным.

Помолчав, Локи перекатывается на половину ложа и устало говорит:

– Иди уже сюда. Я подвинулся.

Сигюн топчется на месте. Сон с неё уже как рукой сняло, но уставшее за день тело всё равно просит лечь.

Мелкими шагами, будто идёт по раскалённым углям, дева подходит к ложу. Локи и впрямь освободил половину. Ванийка осторожно укладывается на самый край, спиной к богу обмана. Но даже спина её излучает напряжение.

Будто он стоит над ней по меньшей мере с занесённой плетью.

Локи вздыхает. Кажется, возиться придётся дольше, чем он рассчитывал изначально...

Сигюн тем временем пытается сдвинуться ещё ближе к краю. Не выдержав, бог обмана насылает на неё сонное заклятье. Сонную, отодвигает от края кровати, с удовольствием отмечая упругость талии. Ладонь задерживается на крутом изгибе, потом скользит вниз, на бедро...

Вновь мученически вздохнув, Локи падает лицом в подушку. Впору на себя самого сонное заклятье накладывать!

Зато какое лицо должно быть завтра у Бальдра!..

– Сигюн... Сигюн, любовь моя...

Тихий вкрадчивый шёпот. Блеск внимательных глаз. Зелёных, алых ли – не разглядеть, да не всё ли едино?

– Локи... Ло... мм...

Горячие губы. Дрожь вдоль позвоночника. Колени, кажется, норвят подкоситься, не справляясь с задачей держать хозяйку.

Сильные руки подхватывают её за талию, притягивают. Аромат чёрных кудрей – ну чем, чем он всё же их умащивает? – обволакивает, парализуя последние остатки разума и воли.

Изящные ладони с талии перемещаются на грудь. Накрывают, осторожно сменяя.

Разумеется, она сейчас в негодовании воскликнет: «отпусти меня!» Оттолкнёт наглеца. Может, даже закатит пощёчину. Да, да, так она и сделает, что он вообще себе позволяет, этот жалкий бог? Если он царевич, так что, всё дозволено?! Она, между прочим, тоже не последнее лицо у себя в царстве... Но в следующее мгновение Сигюн с удивлением осознаёт, как её губы произносят:

– Сильнее...

Локи исполняет просьбу, и следом дева слышит лишь собственный стон. Неужели это её голос способен опускаться на такие глубины?.. Тело само подаётся вперёд, подставляясь под ласковые умелые ладони.

Вот только платье... Такое красивое – и такое неудобное. Узкие рукава врезаются в кожу. Надо его снять. Сигюн тянется к шнуровке на груди, дёргает...

...И просыпается.

Платье и впрямь больно врезается – оно ведь для праздника, а не для сна. Дышать трудно. Дева спросонок решает, что из-за неснятой одежды, но, попытавшись повернуться, наткнется на истинную причину.

Тёплая, тяжёлая рука лежит поперёк её груди, надавливая. И давление это... приятно.

Медленно накатывает осознание, что тёплая стена сзади, к которой она так уютно привалилась – никакая не стена. Стены так не вздымаются. Стены не бывают такими мягкими.

Мягкими?..

Сигюн сперва не понимает, что за твёрдость упирается ей в поясницу. А сообразив, с криком сбрасывает с себя обнимающую руку и откатывается на край кровати.

Разбуженный её действиями Локи резко открывает глаза и приподнимается на локте, материализуя в каждой руке по кинжалу. Не обнаружив врагов, откидывается обратно на подушки.

И душераздирающе зевает.

– Ты всегда просыпаешься в эдакую рань? – спрашивает он.

Окидывает взглядом фигуру Сигюн, полусползшую с ложа, и сон улетучивается из зелёных очей.

– Впрочем, в утре есть своя прелесть.

Сигюн хочется закутаться в покрывало под его откровенным взглядом. Невольно она бросает взгляд на пах Локи – и сглатывает. Белые штаны не столько скрывают, сколько подчёркивают очертания того, что вжималось в неё минутой раньше.

Один всемогущий, как же мерзко...

Как же вдвойне мерзко то, что её вновь охватывает непонятная дрожь. И проклятый сон не идёт из головы... За всю жизнь ванийка не испытывала столько желаний провалиться сквозь все девять миров, как за недолгое пребывание в проклятом Золотом Асгарде.

С его проклятым развратным царевичем.

Сигюн вытягивается в струнку, словно эйнхерий в строю.

– Открой дверь, – ровным голосом говорит она.

Очень ровным. И очень спокойным.

Так тишина ласкает море перед бурей.

Оглавление

Пролог	4
Глава 1. О тревогах и коварстве.....	10
Глава 2. О встречах и беседах	20
Глава 3. О прогулках и посланиях	31
Глава 4. О волнениях и поцелуях	44
Глава 5. О чувстве долга и прочих чувствах	54
Глава 6. О кражах и обманах.....	65
Глава 7. О свадьбах и брачной ночи.....	74

Литературно-художественное издание

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна

Обманом обручённая

**Повесть
Часть I**

*Вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.*

От издателя

Повесть Надежды Калашниковой «Обманом обручённая», разумеется, написана как единое целое, но возможности издателя позволили издать эту повесть только таким образом – в двух частях. Надеюсь, это не помешает читателям повести воспринимать её так же, как она написана, – единым целым.

На первой странице обложки – рисунок с сайта AzaleasDolls.com
Тираж 50 экз.

– Я люблю простор. Свободу. Скачку. Когда тебя никто не сдерживает рамками и правилами, положенными для знатной леди. Когда есть только лошадь и ты. У меня на родине потрясающие равнины. Здесь... не так, но... я пытаюсь научиться жить в новом доме.

Последние слова звучат сухо. Дева уже корит себя за то, что разоткровенничалась перед богом обмана. Теперь он явно не преминет поиздеваться над ней...

Но во взгляде царевича нет и намёка на насмешку. Кажется, ему интересно.

– А что ты любишь ещё? – склонив голову, спрашивает он.

Помолчав, Сигюн отвечает:

– Книги. Одиночество. Шумные пышные праздники и фейерверки в конце. Горы. Лошадей, – добавляет она.

